

С. Т. МАХЛИНА

Знаки, символы и коды культур Востока и Запада

А Л Е Т Е Й Я

Светлана Тевельевна Махлина

Знаки, символы и коды культур Востока и Запада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42856504

Знаки, символы и коды культур Востока и Запада:

ISBN 978-5-906980-58-8

Аннотация

В новую книгу известного российского философа и культуролога вошли избранные исследования по семиотике и компаративистике культуры Запада и Востока: семиотика смерти и скандала, семиотика свадьбы и материнской любви, семиотика тюрьмы, войны, революции и терроризма. Особое место занимают исследования телесных практик и ритуалов индейцев древней Мезоамерики и Калифорнии, мистики чисел и масонских символов в русской культуре. Книга может быть интересна ученым гуманитарных специальностей, а также студентам и аспирантам по специальностям: «Лингвистика и семиотика», «Семиотика культуры», «Теория и история культуры», «Культурология», «История мировой культуры».

Содержание

Предисловие	5
Семиотика культуры	8
Семиотика животных в мифах Ближнего Востока	8
Семиотика смерти в мифах Ближнего Востока	29
Знаковость вещей	56
Сады и парки как коды культуры	77
Конец ознакомительного фрагмента.	93

С. Т. Махлина

**Знаки, символы и коды
культур Востока и Запада**

*Моей прелестной дочери – единственной и
неповторимой*

© С. Т. Махлина, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Предисловие

Каждый преподаватель высшего учебного заведения, помимо чтения лекций, обязан выполнять вторую половину нагрузки – публикацию теоретических работ. И это вполне резонно. Ибо читать лекции должен специалист, работающий в научной сфере, так как только это способствует повышению его интеллектуального потенциала и способствует его престижу перед студентами. Как правило, преподаватели серьезно относятся к этой стороне своей профессиональной деятельности. Во всяком случае, для меня это всегда было интересным и значимым аспектом моей работы. Именно поэтому я всегда стремилась участвовать в разных научных конференциях, симпозиумах. Многие из опубликованных работ потом оказались включенными в книги. Но большинство статей остались за их пределами. Очень часто такие сборники статей становятся так называемыми «братскими могилами». Их в большинстве случаев не читают, не знают, ие обращают на них внимания. А между тем там много интересных идей и серьезных размышлений. Зачастую это связано с тем, что такие сборники труднодоступны для широкого читателя. И известны они лишь тем, кто публиковался в этих сборниках.

К сожалению, восстановить все статьи за долгие годы преподавания оказалось довольно сложно. Дело в том, что начи-

нала я публиковаться в те времена, когда еще не было компьютеров и статьи у меня не сохранились. Кроме того, довольно часто бывало, что отданные в печать работы по разным причинам так и не были опубликованы, но безвозвратно оказались утерянными. Так, чрезвычайно жалко, что таким образом пропала статья «Духовность в искусстве и духовное искусство». Но самым большим огорчением для меня оказалось то, что таким образом оказалась потерянной статья о Клаусе Манне. Дело в том, что, по моему мнению, этот писатель оказался в тени своего великого отца. И остался в истории литературы недооцененным. По телевидению на канале «Культура» несколько раз был показан сериал «Семья Манн». В этом фильме Клаус Манн выведен как наркоман и человек нетрадиционной сексуальной ориентации. А вот что он был выдающимся писателем ничего не говорится. Во всяком случае, его роман «Мефисто» безусловно шедевр, показывающий тлетворное влияние тоталитаризма на творческую личность. Именно этот роман был положен в основу одноименного произведения Иштвана Сабо, экранизация которого была воспринята с восторгом и большинство его зрителей считало, что режиссер довел до высшего уровня первоисточник. На самом деле это совсем не так. Конечно, Иштван Сабо – выдающийся кинорежиссер. Но пафос статьи был направлен на восстановление исторической справедливости. Увы, сегодня мне уже не написать столь заинтересованное исследование об этом замечательном и талантливом

писателе.

Возникает вопрос: а зачем публиковать статьи, которые были написаны ранее? Дело в том, что, несмотря на сетования о том, что сегодняшняя молодежь, увы, нелюбознательна, ничем не интересуется, на самом деле это не так. И если студенты интересуются какой-либо темой, очень хочется, чтобы они имели возможность ознакомиться с теми работами, которые были сделаны преподавателем. А искать в сборниках – это сложно. Поэтому отослать их к опубликованной книге – будет для них полезным и удобным.

Предлагаемая книга построена следующим образом: В ней несколько разделов. Один из них посвящен семиотическим проблемам. У меня несколько книг посвящено семиотике. Но не все статьи вошли в них. И многие считают, что моя специальность – семиотика. Между тем мною написано много работ и по культурологии. Поэтому далее следуют культурологические темы. Заключают книгу работы, посвященные проблемам образования в области культуры.

Семиотика культуры

Семиотика животных в мифах Ближнего Востока

(Опубликовано: «Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств № 4 (17), декабрь 2013, с. 105–111)

Животные – важная часть действительности, окружающая человека. Уже в первые этапы становления человеческой культуры животные занимали огромную сферу внимания людей, ибо от того, насколько освоен мир животных, зависело существование сообщества. Не случайно поэтому во всех мифах народов мира присутствуют животные. Есть они, конечно, и в мифологии Ближнего Востока. Однако в разных регионах они интерпретировались по-разному, семантика их была различной.

«Миф – это продукт человеческого воображения, порождаемый определенной ситуацией и предназначенный для какой-то цели»¹.

---

¹ Хук Г.С. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 4.

Г.С. Хук различает мифы ритуальные, обеспечивавшие действенность ритуалов; этиологические, объяснявшие происхождение того или иного обычая, имени или даже предмета; культовые мифы возникают в ходе становления религии Израиля, когда ритуал сопровождался мифом, описывавшим событие в терминах, заимствованных из вавилонских и ханаанейских мифов; возвеличивающие, группирующиеся вокруг наименований известных богов; эсхатологические, восходящие к эсхатологии зороастризма, но особенно характерные для иудейской и христианской мысли. К эсхатологическим мифам он относит евангельские повествования, подчеркивая при этом, что их «историческая достоверность не подвергается сомнению», но при этом «функция мифа заключается в выражении на языке символов и посредством образов того, что невозможно передать словами. Здесь миф придает символике расширительное значение»². Эсхатологическое применение мифа, по Г. С. Хуку, пришло в христианство их иудаизма и в полной мере проявилось в Откровении святого Иоанна Богослова.

Наиболее древние мифы, повлиявшие во многом на мифы Древнего Востока – это шумерские мифы. В них много персонификаций животных. Птица грома Имдугуд идентифицируется с изначальным обликом бога, лишённого человеческих черт³. Первоначально внешний облик Нингурсу

---

² Там же, с. 9.

³ Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. – М.: Восточ-

представлялся «как грозовая туча, которая рисовалась мифотворческому восприятию громадной птицей, парящей в небе с распростертыми крыльями. Так как громовые раскаты могли исходить не иначе как из львиной пасти, птица издревле была наделена головой льва»⁴.

В снах Гудеа, правителя Лагаша, записанных в шумерских клинописных текстах, множество животных, имеющих семиотическое значение: львы, птицы Тибу, молодой осел, бык, козленок⁵.

Миф о потопе существует у многих народов. В связи с этим мифом ассиролог-самоучка Джордж Смит (работал гравером и изготавливал медные доски с иллюстративными таблицами) первым разобрал в поврежденной клинописной табличке л всемирном потопе, который очень напоминал библейский. «так для человечества вновь был открыт эпос о Гильгамеше»⁶.

В шумерской мифологии боги создали людей для того, чтобы они возделывали землю и освободили богов от необходимости добывать себе трудом пропитание. У шуме-

---

ная литература, 1995, с. 29.

⁴ Там же, с. 150.

⁵ См. об этом: Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко – психологический метод в историко – философском исследовании). – СПб., Алетейя, 1998. – 540с., с. 199–217.

⁶ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко – психологический метод в историко – философском исследовании). – СПб., Алетейя, 1998. – 540с., с. 220.

ров богини создали людей из глины, находящейся над «бездной», у вавилонян – из крови мятежника Кингу, но люди не оправдывают ожидания богов и тогда боги решают уничтожить человечество с помощью потопа. Однако Энки общается благочестивому царю Шуруппака Зиусидре как построить ковчег и тем самым спасает людей и животных.

У вавилонян эта версия мифа она получает более объемные формы. Здесь уже Эйя, а не Энки, рассказал Утнапиштиму как построить ковчег, в котором должно поместиться все живое. После бури ковчег остановился у горы Ницар. Подождав 7 дней, Утнапиштим выпустил сначала голубя, который вернулся, не найдя пристанища, затем ласточку, которая тоже возвращается. И лишь когда он послал ворона, тот нашел пищу и не возвратился. Сравним с Библией, где совсем иная последовательность и иные семиотические значения этих пернатых.

Вавилонский эквивалент Зиусидры – Утнапиштим, получивший за спасение человечества бессмертие, рассказывает Гильгамешу о растении, которое может омолодить старика. Это растение Гильгамеш сумел достать. Но на обратном пути в Урук, когда он остановился у водоема, чтобы омыться и сменить одежду, змея утащила чудодейственное растение. С тех пор змея сбрасывает кожу и может обновляться.

Так, в мифе об Этане и орле Этана – царь, которому боги передали знаки царской власти. Но для того, чтобы обеспечить преемственность царской власти, ему нужен был на-

следник, которого не было. Шамаш велел Этану перейти через гору, где он найдет плененного орла. Освобожденный орел покажет ему траву рождения. Оказывается, с начала времен змея и орел договорились о том, что будут охранять и снабжать пищей детенышей друг друга. Но по прошествии времени орел затаил обиду на змею. Когда она была на охоте, орел пожрал ее детенышей. Шамаш – бог правосудия и блюститель порядка научил змею, как обломать орлу крылья, заманив орла в яму и там оставить. Конец вполне оказывается оптимистичным. Все получают то, чего хотели.

В ассирийской мифологии голубь почитался как священная птица. Как известно, Ассирия славилась своей жестокостью: привычными были сдирание кожи с пленных, отрубание рук, ног, выдавливание глаз и т. п. . . не случайно запечатлевали они на рельефах сцены охоты на животных, со всеми подробностями мучительной агонии зверей⁷. Интересно, что австрийский этнолог Конрад Лоренц «считал голубей одними из самых жестоких представителей животного мира»⁸.

Древнеегипетские мифы отличаются от месопотамских, так как здесь совсем другие условия жизни, более комфортные и приятные для людей. И все же в них много общего: «Между египетской и шумеро-аккадской мифологиями имеется известное сходство, однако гораздо важнее их бросаю-

---

⁷ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. – Ростов р/Д: Издательство «Феникс; СПб.: ООО издательство «Северо – Запад, 2006. – 463 с., с. 327.

⁸ Там же, с. 307.

щееся в глаза различие... Обе страны расположены в долинах рек... Но как конфигурации великой египетской реки, так и ее поведение кардинально отличают ее от речной системы Тигр – Евфрат»⁹. Да и в самом Египте юг и север отличаются друг от друга. «Различие между этими «двумя землями», как их называют египтяне, достаточно велико, чтобы оказать значительное влияние на мифологическую и человеческую историю страны»¹⁰.

Правда, здесь много змей. Скорпионы, укусы которых смертельны. Поэтому защищают от них священные зверьки – еж и мангуст, а также Хемсут и Ка – «воплощение покровительства и спасения от бед»¹¹.

Несомненно, что в египетских мифах множество животных, ибо без них человек не может существовать. При этом надо помнить, что человек, по представлениям древних египтян имел двойника «Ка» и «Ба», который, по мнению А.Л. Вассоевича, представляет собой «душу»¹². Эту душу древние египтяне изображали в виде птицы с головой че-

---

⁹ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 55.

¹⁰ Moret A. The Nile and Egyptian Civilization. L., 1927, p. 27.

¹¹ Рак И.В. Мифы древнего Египта. – СПб.: «Петро-РИФ! 1993. – 270 с., с. 156–157.

¹² Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко – философском исследовании). – СПб., Алетей, 1998. – 540 с., с. 175.

ловека, так как по их представлениям, душа – это то, что вылетает из человека¹³. Ка – это, по мнению Ю.Я. Перепелкина – полнота жизненных сил. Поэтому это «Ка» – могучий бык.¹⁴ При этом, как указывает Ю.Я. Перепелкин: «Боги могли обратиться друг в друга или оказаться частью тела или «именем» один другого»¹⁵. У Солнца «Ба» – черный бык, а у вечернего Солнца — сфинкс. А.Л. Вассоевич сетует о неопубликованном суждении Ю.Я. Перепелкина о том, что все всевозможные гибриды египетского пантеона – человекольвы, человеколошади, и т. п. – плод измененного состояния в условиях длительной изоляции человека¹⁶. Кроме «Ка» и «Ба», у богов и людей есть другие души-сущности. «Рен» – имя. Поэтому имя обязательно писалось на могиле. Если имя стиралось, значит это было страшным деянием, за которое наказывали смертью. «Ах» – сияние (Просветленный, Блаженный) – изображался в виде хохлатого ибиса. Кроме того, были еще «Шуит» – тень и «Сах» – тело. Омытое тело Сах было основой для создания мумии. Причиняв-

---

¹³ Там же, с. 177.

¹⁴ См. об этом: Перепелкин Ю.Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства // Палестинский сборник. Вып. 16. – М, Л., Наука, 1966, с. 9.

¹⁵ Перепелкин Ю.Я. Древний Египет // история Древнего Востока. Зарождение древнейших классов общества и первые шаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. – М.: наука, 1988, с. 379.

¹⁶ См. об этом: Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). – СПб., Алетейя, 1998. – 540 с., с.254.

шие телу увечья, даже парасхиты (вскрываютели трупов перед мумификацией) подлежали презрению. Поэтому парасхит, сделав надрез кремневым ножом, сразу же убежал. А все присутствующие осыпали его проклятиями и швыряли в него камни¹⁷. Связанные с ними обряды и верования практически неизвестны¹⁸.

Сами боги могли быть в облике животных, причем «один и тот же бог мог представлять в разных обличьях. Его изображали то в виде животного, то в виде человека со звериной головой, либо просто ставили символ-иероглиф. У некоторых богов имена менялись согласно время суток. Так, утреннее солнце воплощал бог Хепра: он принимал облик жука-скарабея и катил солнечный диск до зенита. Дневное солнце воплощал бог Ра – человек с головой сокола. А вечернее. «умирающее» солнце – бог Атум»¹⁹. В долгих боях с исчадиями мрака бог Ра состарился. Силы его стали убывать, ум притупился. Люди, смертные, узнав об этом, решили свергнуть его с престола и самим управлять миром. Совет богов решил, что с бунтовщиками расправится богиня Хатхор, дочь Ра. Она превратилась в львицу Сохмет и стала пожирать людей. Тогда боги быстро растолкли красный камень диди в порошок, насыпали его в крепкое пиво и разлили в доли-

---

¹⁷ Рак И.В. Мифы древнего Египта. – СПб.: «Петро-РИФ! 1993. – 270 с., с. 155.

¹⁸ Там же, с. 153.

¹⁹ Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г.А. Мачинцев. – СПб.: ПКФ «ОЮ-92», 1993. – 208 с., с. 5.

не. Лъвица Сохмет приняла жидкость за кровь и стала ее лавать. Захмелев, она крепко заснула. Проснулась она в образе Хатхор – богини любви, которую изображали в облике юной девушки с короной в виде золотого диска и коровьих рогов²⁰. Но у египтян «Хатхор сливается с образом лъвицы Сохмет, а иногда с ними обеими отождествляется лъвица-Тэфнут»²¹. Баст – богиня-кока, дочь Ра и помощница в борьбе с Апопом. Кроме того, она богиня веселья и любви²². Бог-крокодил Себека покровительствовал охоте и рыбной ловле²³, бык Апис – душа Ка мемфисского Птаха, олицетворение плодородия. Многим богам сопутствовали животные. Так, ибис – священная птица Тота. И.В. Рак приводит развернутый указатель имен и их семантическое наполнение в своей книге²⁴.

Когда роженица начинает рожать, ей на помощь спешат Хатхор, Исида и Мешенит. У этой Мешенит в облике молодой красивой женщины в уборе из разноцветных перьев есть мохнатые уродцы-карлики Бэсы и их жены – Бэсит – женщина с головой лъвицы и Таурт – беременная самка гиппопотама с женскими грудями, руками и волосами и с зубами

---

²⁰ Там же, с. 37.

²¹ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. – Ростов р/Д: Издательство «Феникс; СПб.: ООО издательство «Северо-Запад», 2006. – 463 с., с. 27.

²² Рак И.В. Мифы древнего Египта. – СПб.: «Петро-РИФ», 1993. – 270 с., с. 160.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 187–240.

крокодила²⁵.

Богиня справедливости Маат окружила мир высокими горами, поддерживавшими небесную реку. Для плавания по ней она построила две ладьи – Манджет – дневную, Мектет – ночную. Дневная ладья перевозила Солнце с востока на запад, ночная доставляла Ра по подземной реке через царство мертвых Дуат обратно на восток. Головной убор Маат украшает пушистое перо, являющееся символом справедливости. Крылатый Гор в образе сокола летит впереди Ладьи. Крокодилы, гиппопотамы и ползучие ядовитые твари пытаются напасть на Ладью врасплох. Увидев приближающуюся ладью, павианы поют:

Великий Ра!

Ты сотворил птиц, зверей и растения,

Мы воздаем тебе хвалу!

Мы услаждаем твой слух

Мелодичным пением

И пляшем для тебя...²⁶

Когда ладья приближается в каменным воротам подземного царства, все перемещаются в новую ладью Месектет. К ним присоединяется змей Нехен, грозный Акер, Нехебкау.

---

²⁵ Рак И.В. Мифы древнего Египта. – СПб.: «Петро-РИФ», 1993. – 270 с., с. 145.

²⁶ Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г.А. Мачинцев. – СПб.: ПКФ «ОЮ-92», 1993. – 208 с., с. 46–47.

Этот Нехебкау имеет человеческое тело и змеиную голову. Вместе богом-волком Упуату они являются привратниками и охраняют Загробный Мир. Кроме того, только Упуат знает тайные заклинания и поэтому этого бога-волка называют «Открывателем Путей»²⁷.

В мифах об Апопе, враге Ра, повествуется об его низвержении и полном уничтожении. Апоп предстает в мифе в виде змея, символизирующего «мрак, который солнце ежедневно побеждает, начиная путь по небу в своей божественной ладье, и особенно в утро Нового года»²⁸.

Он иногда одерживает победу над Ра. Тогда на Египет налетает буря. Иногда Апоп ухитряется проглотить небесную ладью – тогда на земле наступает затмение. В Подземном Дуате Апоп опять напал на Ра. Но Ра обратился в кошку²⁹ и, вооружившись мечом, отсек голову Апопу, который проглотил подземную реку и таким образом образовал мель, на которой застряла ладья. Вылившаяся вода дает возможность продолжить путь. В конце концов Апоп обращается в бегство, по-

---

²⁷ Там же, с. 47.

²⁸ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 64.

²⁹ Кошка – священное животное. Поэтому они пользовались особенным почетом и уважением в Древнем Египте. Они считались самыми красивыми животными и красавицы стремились перенимать их грациозные движения. Современные ученые даже обнаружили священный город, где жили несколько тысяч кошек, за которыми ухаживали специальные слуги.

тому его заклинания в прозе, и вдохновенные гимны Маат – богини справедливости – имеют большую силу³⁰.

В додинастический период Тот был богом нома ибиса, затем он стал богом луны, замещающим бога Ра в подземном мире. А ибис таким образом оказался символом Тота. Тот помогал Осирису в его делах. Он дал людям письменность, научил их знаниям в области астрономии, медицины, математики. В некоторых мифах Тот обращается в павиана, сумев обуздать лестью своенравную богиню Тефнут, превратившаяся из дикой львицы в кроткую газель, увидевшую красоту страны, о которой ей рассказывал Тот³¹. Омыв свое тело в озере священного острова, она превратилась в прекрасную девушку. Тефнут стала богиней добра и зла. На голове у нее диадема – круг со змеей – символом божественного ока – Уджат³². Покровительницей сера была богиня-кобра – Уаджет, что соответствовало слову «зелена» по цвету папируса³³.

Бог ночи – Анубис – с головой шакала. Он – неумолимый страж загробного мира. Навлекающий ужас на осквернителей могил.

В целом весь мир предстал для древнего египтянина

---

³⁰ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. – Ростов р/Д: Издательство «Феникс; СПб.: ООО издательство «Северо-Запад, 2006. – 463 с., с. 35.

³¹ Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г.А. Мачинцев. – СПб.: ПКФ «ОЮ-92», 1993. – 208 с., с. 30.

³² Там же, с. 30, 31.

³³ Там же, с. 32.

множество символов. Так, богиня Неба представлялось в виде коровы.

Гор – сын Исиды и Осириса – в виде сокола или человека с головой сокола. Когда сет вырвал глаза Гора и тот ослеп, Хатхор подоила газель и, влив в незрячие глаза свежее молоко, вернула зрение Гору. Разъяренный Сет превратился в гиппопотама, но победить Гора даже в таком облике не сумел.

Исида, защищая Гора, превращается в коршуна. Но чаще всего она изображается в головном уборе с коровьими рогами, между которыми помещается солнечный диск.

Людей же сотворили боги. Первых людей бараноголовый бог Хнум вылепил из глины. По другой легенде бог Ра от радости, что так прекрасно сотворил мир, заплакал, и слезы, упавшие на землю, превратились в людей.

В Угаритской мифологии, представляющей собой промежуточный регион между цивилизациями Вавилонa и Египта – в районе Ханаана, где люди говорили на семитских языках, мифы и легенды делятся на три группы: Самая большая группа – о приключениях и деяниях бога Баала и его отношениях с другими представителями пантеона. Вторая группа посвящена царю Хубура, Керету. Третья – Акхату, сыну Даниэля, легендарного царя.

Высший бог угаритской мифологии – Эл, часто именуемый Бык Эл. Он – отец богов, обитает в поле у источника рек. Его сын Баал, бог плодородия. С ним враждует бог

морей и рек Йам-Нахар – любимец Эла. Бог ремесленников Котар-и-Хасис, богиня солнца Шапаш (как похоже на бога солнца Шамаша в аккадской мифологии!). Жена Эла – Ашторет, мать богов, повелительница моря – Ашера, ее сын Аштар, для которого она добивается трона Баала, бога молнии и грома, сестра Баала – Анат.

В некоторых сказаниях Угарита грифы – символы бесплодия земли. Баал убивает грифов и их мать Сумул.

В целом в угаритской мифологии явно ощущается влияние вавилонской и египетской мифологии. Доминирующей становится вавилонская мифология. Однако для нас важно, что ханаанская, т. е. угаритская мифология оставила заметные следы в еврейской мифологии.

Интересен миф о боге Телепине, сыне бога грозы, повествующий о возвращении исчезнувшего бога. Телепин ушел, так как оказался в ярости – из-за отсутствия табличек, отчего это произошло – неизвестно. Но, уйдя в степь, Телепин остается там и засыпает. В его отсутствие страну покрывает туман, наступает засуха и голод и многие другие несчастья. Естественно, что отец, бог грозы, начинает поиски сына. Он посылает быстрокрылого орла, но он возвращается ни с чем. Богиня Ханнаханна посылает Пчелу, которая должна ужалить Телепина, смазать ему воском глаза и ноги и привести к богам. Пчела выполняет все повеления богини, но Телепин еще больше рассвирепел, пробужденный от сна. Богиня Камрусепа производит обряд очищения и Телепин возвраща-

ется на крыле орла. Камрусепу укрощает гнев Телепина. И его гнев изгнан в преисподнюю.

Одно из главных животных в хеттской мифологии – Лев.

Таким образом, и в хеттских мифах мы видим большое влияние вавилонских мифов. Но при этом многое из хеттских мифов восходит к греческому и европейскому фольклору.

Говоря о древнееврейской словесности, следует иметь в виду, что Ветхий Завет в изобилии содержит мифологический материал. В Книге Бытия можно проследить традицию двух ранних переселений народа в Ханаан. Первые поселенцы во главе с Авраамом появились в Ханаане из Ура Халдейского примерно в середине XVIII в. до н. э. и осели в окрестностях Хеврона. Позднее кочевые и полукочевые переселенцы арамейских племен пришли во главе с Иаковом и поселились вокруг Сихема. Третья волна евреев вышла из рабства в Египте в конце XIII в. в Ханаан, где жили семиты, как и они, но занимались земледелием, а пришельцы были скотоводами. Так как Ветхий завет – продукт многовековой работы редакторов, то здесь модно найти разночтения. Сложно выявлять источники и первоначальные формы мифов, здесь содержащихся, изменения, внесенные еврейскими авторами, их собственные мифы. Как утверждает С.Г. Хук, «В окончательной редакции Ветхого Завета большая часть мифологического материала собрана в первых одиннадцати главах Книги Бытия, а другие мифы, разбросанные в фрагментар-

ных формах по еврейским сказаниям и поэзии...»³⁴. Он считает, что основой здесь служит палестинская, выражающая раннеханаанейские представления, а не месопотамская или египетская мифологии, хотя источник, которым пользовались палестинские мифы – месопотамский³⁵.

Представление о рае в Книге бытия, где первый человек наделен мудростью и способностью слышать советы Бога, очень близко представлению о божественном саде шумерских мифов, где нет болезней, смерти и дикие звери не охотятся друг на друга. Это описание рая можно найти в шумерской поэме. Крамер назвал ее Эпосом об Энмеркаре.

А там, в Дильмуне, ворон не каркает.

Птица «смерти» криков смерти не накрикивает.

Там лев не бьет.

Волк ягненка не рвет.

Там собака сторожевая, как козлят стерегут, не знает.

Там свинья зерна не пожирает.

Вдова на крыше солод не расстиляет

Птица небесная тот солод не склевывает.

Там голубь головою не вертит

Там хворь глазная «я хворь глазная» не говорит.

Там старый «я старый» не говорит.

Там девушка не умывается, водой из океана не плещется.

---

³⁴ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 92–93.

³⁵ Там же, с. 98–99.

Там перевозчик «навались» не кричит.
Там страж вокруг зубцов не кружит.
Там певец песнопений не распевает,
Плачей за городом не заводит³⁶.

Как видим, в рае нет воды. В семитском варианте шумерских мифов место Дильмун, место рая, располагалось в устье Персидского залива. В шумерском мифе богиня-мать Нинхурсаг посадила в саду богов 8 растений. Но Энки, проголодавшись, съел их все. Нинхурсаг, разгневавшись, прокляла его и ниспослала на него смерть. Энки заболел и стал умирать. Никто не мог ему помочь, даже Энлиль. Боги заставили Нинхурсаг исправить положение. Она создала 8 богинь-целительниц. Одной из них была богиня, созданная из ребра Энки и она получила имя Нинти, что означает «госпожа ребра». При этом шумерское слово «ти» означает и «ребро», и «давать жизнь». И в древнееврейском мифе женщина была создана из ребра Адама, и имя ее Ева означает «жизнь». Близость этих мифов обусловлена и тем, что и там, и здесь, тема смерти и болезней, поиски бессмертия стали основой мифов о рае, творении, потопе, ставшие традиционными в мифах народов, испытавших на себе влияние месопотамской культуры.

Как верно пишет С.Г. Хук: «Такие образы и символы ми-

---

³⁶ Цит. по: Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 101–102.

фа, как убиение дракона, сад, дерево познания добра и зла, змий, стали языком, дающим возможность выразить то, что иным путем выразить невозможно»³⁷.

Один из важных мифов – миф о Каине и Авеле. Оба они – дети Адама и Евы. Рождены они были после изгнания родителей из рая. Каин – земледelec. Авель – скотовод. Оба приносят жертвы богу Яхве, но жертвы Каина отвергнуты. Охваченный завистью Каин убивает Авеля. Это было выражение вражды между оседлыми земледельцами и скотоводческими полукучевыми народами.

Любопытно, что еврейский Новый год праздновался в течение 7 дней и в какой-то мере напоминал вавилонский новогодний праздник и в целом новогодние торжества в городах Месопотамии с древних времен, а также афинский ритуал Буфония.

Во время вавилонских новогодних празднеств, связанных с земледелием, жрец, приносивший жертвоприношение, и заклинатель, изгонявший зло, забивали овцу, ее кровью обмазывали стены храма и затем убегали в пустыню. В еврейском празднике Судного Дня забивают козла, но вместо людей в пустыню отпускают второго козла, «козла отпущения» грехов. Считается, что бегство Каина сначала имело ритуальное значение. После убийства, которое, вероятно, было ритуальным, и Каин, по всей видимости, относился к священному сословию. Если у египтян не было мифа о потопе,

---

³⁷ Там же, с. 104.

хотя и существовал миф об уничтожении человечества. У вавилонян причина потопа – люди слишком шумели и мешали богам. Можно сравнить с индейскими верованиями, где также люди мешали богам. Для еврейских авторов потоп стал предзнаменованием катастрофы, вызванной бунтом человека против Бога. Ясно прослеживается связь между библейским потопом и его месопотамском происхождении. Как отмечает С.Г. Хук, «процесс трансформации носил гораздо более радикальный характер и мифы приобретали более глубокий религиозный подтекст...»³⁸.

Надо подчеркнуть, что мифы об уничтожении человечества по-разному претворялись в Египте, Месопотамии. В Книге Бытия к этому сюжету примыкает история о разрушении Содома и Гоморры и спасении Лота. Разрушение этих городов было сделано ниспосланным с небес дождем из серы и огня. Причина – порочность жителей этих городов. Так же потоп был ниспослан богами из-за порочности людей. Интересно отметить, что, описывая разрушение порочных городов, автор использует слово «ниспровергнуть». На иврите это слово обозначает последствия землетрясения.

Еврейские пророки пользовались вавилонскими мифологическими образами для описания освобождения еврейского народа из Египта. В их описаниях Египет превратился в дракона, которого Яхве мощной дланью поверг мечом. Таких обращений к семиотике животных мы находим в еврейской

---

³⁸ Там же, с. 127.

мифологии в значительной мере.

После совершения древнего ритуала рассечения заколотых животных, Авраам видит, как Яхве проходит между рассеченными животными в виде «дыма, как бы из печи и пламени огня» (Книга Бытия, 15, 17). Миф стал формой мышления символами. Так, Дракон, поверженный Яхве, чтобы привести в порядок хаос, потом снова будет им повержен, чтобы восстановить порядок.

При завоевании Иерихона воинство Израиля несло перед Ковчегом Завета 7 юбилейных труб из бараньих рогов. После 7 дней жители должны были протрубить в бараний рог, народ должен был закричать при этом и стены Иерихона должны были пасть. После того, как народ Израиля сделал золотого тельца, Моисей разбил первые каменные скрижали откровения, Яхве повелел сделать деревянный ковчег, куда надо было положить вторые скрижали. Ковчег этот возили из одного города в другой. После 7 месяцев бедствий, жрецы и прорицатели велели отправить Ковчег «в свое место» с искупительной жертвой. Ковчег поставили на колесницы, запряженную двумя первородившими коровами. Если коровы повезут колесницу в верном направлении – это будет знак того, что филистимляне будут поражены рукой Бога Израиля. Коровы пошли в правильном направлении. Этот миф прославлял неприкосновенность и святость Ковчеха Завета.

В шестой главе Четвертой книги Царств рассказывается о том, что Давид перевозил Ковчег в Иерусалим на колесни-

це, запряженной волами. Когда волы оступились, один из сопровождавших, желая поддержать Ковчег, чтобы он не опрокинулся, протянул руку. Немедленно он был повержен, что вызвало печаль окружающих.

В мифах об Илии Елисее также присутствует множество животных, имеющих символическое значение. Так, Илия сооружает алтарь Яхвею из 12 камней – по числу колен Израилевых. На дрова он кладет тушу убитого тельца и велит вылить на жертву 12 кувшинов воды. Яхве, после взываний Илии, посылает с небес пламя, которое поглотило и жертву, и дрова, и камни алтаря и даже воду. После этого народ признал Яхве своим Господом. Слуга Илии Елисей отправляется со своим господином в Вефиль. Здесь Илия совершает множество чудес – оживил сына сонаминянки, малое количество елея у вдовы по воле Илии преумножилось, его кости в гробу оживили умершего. (Четвертая книга Царств 13, 21).

В целом древнееврейские авторы черпали мифологический материал из месопотамских и ханаанейских источников, обогащая их из персидских источников.

В книге пророка Даниила мы опять встречаем семиотическое значение животных. Когда Навуходоносор за гордыню был на 7 лет отлучен от людей, он питался «наподобие быка, травую». Когда Дарий повелел бросить Даниила в ров со львами, по мнению Даниила, Бог послал ангела и загородил пасть львам. Тогда Дарий велел поднять Даниила изо рва и бросить туда с женами и детьми тех, кто донес на Даниила.

Семиотика смерти в мифах Ближнего Востока

(Опубликовано: Клуб Касталия. Сексуальность и смерть в символическом измерении: материалы конференции. – М.: Клуб Касталия. 2013.– 240 с., с. 70–89)

«Миф – это продукт человеческого воображения, порождаемый определенной ситуацией и предназначенный для какой-то цели»³⁹.

Г. С. Хук различает мифы ритуальные, обеспечивавшие действенность ритуалов; этиологические, объяснявшие происхождение того или иного обычая, имени или даже предмета; культовые мифы возникают в ходе становления религии Израиля, когда ритуал сопровождался мифом, описывавшим событие в терминах, заимствованных из вавилонских и ханаанейских мифов; возвеличивающие, группирующиеся вокруг наименований известных богов; эсхатологические, восходящие к эсхатологии зороастризма, но особенно характерные для иудейской и христианской мысли. К эсхатологическим мифам он относит евангельские повествования, подчеркивая при этом, что их «историческая достоверность не подвергается сомнению», но при этом «функция мифа за-

---

³⁹ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 4.

ключается в выражении на языке символов и посредством образов того, что невозможно передать словами. Здесь миф придает символике расширительное значение»⁴⁰. Эсхатологическое применение мифа, по Г. С. Хуку, пришло в христианство из иудаизма и в полной мере проявилось в Откровении святого Иоанна Богослова.

Внимание к смерти характерно для всех мифов древнего мира. По мнению И.Р. Шафаревича, «среди основных сил, под действием которых разворачивается история, имеется стремление к самоуничтожению, инстинкт смерти человечества»⁴¹.

Наиболее древние мифы, повлиявшие во многом на мифы Древнего Востока – это шумерские мифы⁴². Шумеры – черноголовые, круглолицые, большеухие люди (считалось, что большие уши – признак ума) создали уникальную мифологию. Бог Энлиль, поднимающий своим дыханием буйный ветер, сотрясающий могучей поступью всемирную гору, влюбился в Нинлиль и изнасиловал ее. Боги постановили отпра-

---

⁴⁰ Там же, с. 9.

⁴¹ Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории // «Кубань». 1991, № 2, с. 63.

⁴² Интересно, что термин «шумеры» ввели в обиход не историки, а французский лингвист Жюль Опперт, объявивший на заседании Французского общества нумизматики в 1869 году, что непонятный язык многих месопотамских клинописных табличек – шумерский. См. Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. – Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО издательство «Северозапад», 2006. – 463 с., с. 158.

вить его за это в подземный мир. Но Нинлиль уже ждала ребенка – будущего бога Луны Нанну. И она последовала за отцом ребенка туда, откуда нет возврата даже богам. Но хитроумный Энлиль придумал оставить вместо себя, своего первенца и Нинлиль трех следующих детей и сумел вырвать всех из Страны без Возврата.

В отличие от Древнего Египта, где прекрасный климат, замечательные условия жизни в плодородной долине Нила породили мифы, в которых проявилось неприятие смерти, невозможность поверить в то, что все заканчивается со смертью человека, в мифах древнего Шумера проявляется ужас перед смертью, который испытывали люди. И один из таких мифов – миф об Инанне, – хозяйке войны, любви и плодородия. Любопытная богиня Инанна решила спуститься в страну, откуда нет возврата». Однако понимая, что она может тоже не вернуться, она просит своего советника Ниншубура, если не вернется через 3 дня, обратиться к трем высшим богам – Энлилю (придумал мотыгу и подарил черноголовому народу, кроме того – он бог воды, хотя именно он придумал уничтожить суетливый черноголовый человеческий род), Нанне (богу Луны), Энки (богу мудрости, сотворившему людей и научившему женщин прясть и ткать, а мужчин – скотоводству). Внизу, в соответствии с законами подземного мира, с нее снимают какую-то часть одеяния при прохождении 7 врат. Представ после этого перед судьями подземного царства, которые смотрят на нее «смертоносным

взглядом» – их изображения всегда имеют глаза в пол-лица, она превращается в бездыханный труп, который подвешивают на крюке. Энки, единственный из богов, откликнувшийся на просьбу Инанны, выковыривает грязь из-под ногтей и создает два бесполох существа – кургарру и калатурру, снабдив их пищей жизни и водой жизни. Они должны 60 раз посыпать тело пищей и окропить его водой. Тогда ее отпускают из подземного мира, но требуют взамен прислать кого-либо другого. Как оказалось, Думузи, вместо того, чтобы горевать о погибшей жене, в светлой одежде восседал на троне, забавлялся игрой на флейте и вдобавок водрузил на голову корону Инанны. В гневе Инанна посылает своего мужа Думузи в подземный мир. Но там, в преисподней, его сестра, богиня растительности Гештинанна, по полгода замещает его, символизируя смену времен года. Позднее, в вавилонский период этот миф связан с богиней Иштар (шумерская Инанна), а Думузи превращается в Таммуза. Эти изменения в названиях связаны с тем, что боги носят семитские имена. В вавилонском варианте мифа когда Иштар спускается под землю, Однако причина иная. Ее горячо любимый муж Таммуз внезапно умер. Она спускается в подземный мир и требует возвратить ее мужа. Ее яростный крик тревожил безмолвное царство Эрешкигаль. На земле меж тем возникает всеобщее сексуальное бессилие. Но все происходит по тем же канонам. Так же на нее смотрят «взглядом смерти», так же в виде выкупа она отдает мужа Таммуза, но только на шесть

месяцев. Т. е., смерть не может быть полностью отменена. Обязателен выкуп. Как считают исследователи, и этот миф связан с временами года. Несмотря на то, что никто не может уйти из подземного мира, но бог войны Эрра сумел обойти этот закон.

Людей боги создали для того, чтобы они возделывали землю и освободили богов от необходимости добывать себе трудом пропитание. У шумеров людей создали богини создали из глины, находящейся над «бездной», у вавилонян – из крови мятежника Кингу, Но люди не оправдывают ожидания богов и тогда боги решают уничтожить человечество с помощью потопа. Однако Энки сообщает благочестивому царю Шуруппака Зиусидре как построить ковчег и тем самым спасает людей. Миф о потопе существует у многих народов. В связи с этим мифом ассириолог-самоучка Джордж Смит (работал гравером и изготовлял медные доски с иллюстративными таблицами) первым разобрал в поврежденной клинописной табличке л всемирном потопе, который очень напоминал библейский. «так для человечества вновь был открыт эпос о Гильгамеше»⁴³.

Боги, когда сотворили человека,
Смерть установили они для человека,
Жизнь же в руки свои забрали.

---

⁴³ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко – философском исследовании). – СПб., Алетей, 1998. – 540 с., с. 220.

Ты, Гильгамеш, наполняй свое чрево, денно и ночью радуйся ты⁴⁴».

Здесь дан перевод А.Л. Вассоевича. К сожалению, по свидетельству многих, прекрасный художественный перевод выдающегося ассириолога В.К.Шилейко, созданный в 20-х годах прошлого века, утерян⁴⁵.

Миф о потопе существует у многих народов. У вавилонян она получает более объемные формы. Здесь уже Эйя, а не Энки, рассказал Утнапиштиму как построить ковчег, в котором должно поместиться все живое. После бури ковчег остановился у горы Ницар. Подождав 7 дней, Утнапиштим выпустил сначала голубя, который вернулся, не найдя пристанища, затем ласточку, которая тоже возвращается. И лишь когда он послал ворона, тот нашел пищу и не возвратился. Сравним с Библией, где совсем иная последовательность и иные семиотические значения этих пернатых.

Оправдываясь, что спас людей и обличая Энлиля, бог мудрости и пресных вод Эйя считает:

Чем бы потоп тебе делать,
Лучше лев бы явился, людей поубивал!
Чем бы потоп тебе делать
Лучше бы волк явился, людей поубивал!

---

⁴⁴ Там же, с. 222.

⁴⁵ Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»). Пер. с аккадского И.М. Дьяконова. – М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, с.133.

Чем бы потоп тебе делать,
Лучше голод наслал бы, разорил бы землю!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше мор наслал бы. Людей поразил бы!⁴⁶

Но для древних тема смерти была особенно значимой. «Судьба человека была записана клинописью у богов в «таблице судеб»; в в час смерти за ним приходил а олицетворенная Судьба – бог Намтар, или Эккему – Похититель, и человек был обречен на жалкое существование в вечной темноте города преисподней, где правят бог Нергал (Эргаль) и богиня Эрешкигаль вместе с советом богов земли Анунаков. При мысли о безрадостном посмертном существовании человек мог утешить себя только тем, что в зависимости от рода смерти он получит более или менее милостивый приговор от суда Анунаков и сможет пользоваться едой и питьем от жертв, приносимых оставшимися на земле родичами и потомками»⁴⁷.

Касается этой проблемы смерти и миф о Гильгамеше. – на две трети бога, на одну треть – человека, ибо тема эта становится все более актуальной. В вавилонской версии о Гильгамеше он вплотную оказывается лицом к лицу в связи со смертью своего друга Энкиду. Именно этот миф в первую

---

⁴⁶ Перевод И.М. Дьяконова. См.: Campbell Thompson R. The Epic of Gilgamesh. Oxford, 1930, p. 50.

⁴⁷ Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем»). Пер. с аккадского И.М. Дьяконова. – М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, с. 101.

очередь связан с погребальным ритуалом и поисками бессмертия. В нем, например, рассказывается о том, что «в преисподней участь тех, кто удостоился надлежащих погребальных ритуалов, отличается от жалкой доли тех, над кем они не были совершены»⁴⁸.

Смерть – «неведомое и ужасное переживание»⁴⁹.

Реальность смерти, несмотря на ее неприятие, доказывалась повторяемостью вех человеческой жизни: (рождение, брак, смерть).

Во многих мифах аккадских мифах лежит тема скорби человеческого духа, вызванная фактом смерти и утратой бессмертия»⁵⁰.

Мертвый и спящий друг с другом схожи,
Оба не знают лика смерти⁵¹.

Вавилонский эквивалент Зиусидры – Утнапиштим, получивший за спасение человечества бессмертие, рассказывает Гильгамешу о растении, которое может омолодить старика.

---

⁴⁸ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 47.

⁴⁹ Там же, с. 44.

⁵⁰ Там же, с. 48.

⁵¹ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. – Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО Издательство «Северо – Запад, 2006. – 463 с., с. 369.

Это растение Гильгамеш сумел достать. Но на обратном пути в Урук, когда он остановился у водоема, чтобы омыться и сменить одежду, змея утащила чудодейственное растение. С тех пор змея сбрасывает кожу и может обновляться.

В вавилонском мифе об Адапе (некоторые ученые, например, Эбелинг, отождествляют его с древнееврейским именем Адам), который был создан Эйей как образец человека, но не дал ему бессмертия, его призывают к богам за то, что он сломал крыло богу ветра. Однако, отправляясь туда, он получил напутствие отца: если ему предложат хлеб смерти и воду смерти – не брать их. Так и сделал Адап. Оказалось, что он отказался от хлеба жизни и воды жизни. Таким образом человечество утратило бессмертие.

Ассирия славилась своей жестокостью: привычными были сдираание кожи с пленных, отрубание рук, ног, выдавливание глаз и т. п., но случайно запечатлевали они на рельефах сцены охоты на животных, со всеми подробностями мучительной агонии зверей⁵². Именно здесь привился прием расправы с врагами – сажать на кол, что было привлекательным зрелищем. Придумали такую казнь хетты, но там это не привилось, но «это новшество с энтузиазмом подхватили ассирийцы и стали проводить в жизнь со свойственным им размахом»⁵³.

В отличие от Шумера и Аккада, где цари назначались богами, в Египте царь сам был богом. Поэтому многие мифы

---

⁵² Там же, с. 327.

⁵³ Там же, с. 387.

в Египте связаны с богами, где главными были с циклом Гора-Осириса. Поэтому интерес египтян к смерти и загробной жизни оказался преобладающим. Как и в месопотамских мифах, боги создали людей для того, чтобы они им помогали. Но люди не оправдали их ожидания. Тогда богиня любви Хатхор превратилась в львицу Сохмет и стала рвать в клочья людей, с наслаждением пожирая их: «недаром у египтян образ Хатхор то и дело сливается с образом Сохмет, а иногда с ними обеими отождествляется львица-Тэфнут»⁵⁴. Хитроумный Тот придумал, как усмирить львицу-людоеда. Истолкли красный камень диди в порошок, смешали его с пивом, которое окрасилось в красный цвет и стало похоже на кровь. Сохмет приняла эту жидкость за кровь людей и стала жадно лакать ее. Вскоре она захмелела и заснула. А проснулась уже в образе Хатхор.

Как видим, в мифах отразилось стремление преодолеть всеобщее уничтожение людей, ибо смерть прерывала жизнь. Да и сама жизнь на земле не располагала расставаться с ее прелестями, поэтому очень хотелось продолжить их и после смерти. При этом надо помнить, что человек, по представлениям древних египтян имел двойника «Ка» и «Ба», который, по мнению А.Л. Вассоевича, представляет собой «душу»⁵⁵. Эту душу древние египтяне изображали в виде пти-

---

⁵⁴ Там же, с. 27.

⁵⁵ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко – философском исследовании). – СПб.,

цы с головой человека., так как по их представлениям, душа – это то, что вылетает из человека⁵⁶. Об этих представлениях о «Ка» и «Ба» пространно писал Ю.Я. Перепелкин: «При этом у одного и того же лица могло быть по нескольку душ одно и того же рода («двойники», «проявления», «привидения»). И воспринималась та или иная душа то как единство, то как множество, и не только тогда, когда принадлежала такому «сверхъестественному» существу, как царь; по меньшей мере «двойником» обладали даже простые смертные. Души были, с одной стороны, тождественны с человеком или заключены в нем; с другой стороны, те же души были существами, находившимися вне его. Сделать что-нибудь «двойнику» значило сделать это человеку, «привидением» мог быть назван он сам по смерти, «проявление» или «мощь» могли быть внутри его. Тем не менее «двойник», «появление», «привидение», «мощь» могли находиться позади человека, умирая, он «отходил» к «двойнику» или «привидению», умершего препровождали к его «проявлению», собственные «двойники» брали его за руку, «двойник» докладывал о нем, отличал его от врагов и т. д.»⁵⁷.

Алетейя, 1998. – 540 с., с. 175.

⁵⁶ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко – психологический метод в историко – философском исследовании). – СПб., Алетейя, 1998. – 540 с., с. 177.

⁵⁷ Перепелкин Ю.Я. Древний Египет // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые шаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. – М.: Наука, 1988, с. 178–379.

Кроме «Ка» и «Ба», существовало также представление об «Ах» – некая сущность, в которой появляется человек. И на небо отходит «Ах», а труп – на землю⁵⁸. Важное значение имело и имя «Ран». Имя обозначало личность. И сохранение имени означало сохранение личности. Вот почему на захоронениях обязательным было изображение надписи с именем умершего⁵⁹.

Широкое распространение культа Осириса было связано с представлениями и загробном мире. И как умерший мог обернуться другим существом, так и боги могли обратиться друг в друга. Осирис возглавляет суд над судьбами умерших. Да и сам миф об Осирисе связан со смертью. Сет, брат Осириса, убивает его. Но жена Осириса, Исида, сумела вернуть его к жизни с помощью своей сестры Нефтиды. При этом Сет разрубил тело Осириса на 12 частей. Исида, Нефтида и Анубис нашли все части, кроме фаллоса, который сожрали рыбы. Исида вылепила фаллос из глины и прирастила его с собранному телу. Превратившись в птицу Хат, Исида обняла крыльями забальзамированное тело и сумела зачать сына Гора. Однако восставший из мертвых Осирис не остался на земле, а стал царем мира, где пребывали души умерших. Но при этом Осирис все же оказался соединенным с богом Ра.

---

⁵⁸ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко – философском исследовании). – СПб., Алетейя, 1998. – 540 с., с. 180–181.

⁵⁹ Там же, с. 183–184.

Т. е., смерть, мир душ умерших не являются совсем отделенными от благ, которые дает бог солнца Ра. В этом серьезное отличие египетских мифов от месопотамских, где загробный мир – страшный. И возврата из него не может быть. Чтобы там, в загробном мире было не так ужасно, бог Ра посылает туда Тота, чтобы он сохранял там порядок, а бог Ра будет следить, чтобы и там сиял свет, а Тот будет называться «Тот, замещающий Ра». В Дуате, загробном мире, умерших подстерегали многие опасности. Там были крокодилы, змеи, скорпионы, львы. Стражи ворот задавали покойникам коварные вопросы. Правда, существовали путеводители по загробному миру: «Тексты пирамид», «Тексты саркофагов», «Книга мертвых», «Книга о вратах», «Книга о том, что есть в подземном мире», по которым усопший мог быстро найти подсказку. Чтобы усопший не задохнулся в гробу, там наряду с едой, питьем, изображением слуг – ушебти, оставляли статуэтку бога воздуха Шу. После многочисленных испытаний, покойника ждал главный экзамен, чтобы попасть в заветный чертог Обеих истин, чтобы жить такой же жизнью, как и на земле. Однако надо было пройти столько испытаний, которые простому человеку были не под силу. В конце концов он должен был произнести «Истину отрицания»:

Я не чинил зла людям.

Я не нанес ущерба скоту...

Я не убивал⁶⁰.

При помощи весов истины проверялась правдивость этих показаний: на одну чашу весов клали сердце покойного, на другую – страусовое перо богини Маат.

Богиня справедливости Маат окружила мир высокими горами, поддерживавшими небесную реку. Для плавания по ней она построила две ладьи – Манджет – дневную, Мектет – ночную. Дневная ладья перевозила Солнце с востока на запад, ночная доставляла Ра по подземной реке через царство мертвых Дуат обратно на восток. Головной убор Маат украшает пушистое перо, являющееся символом справедливости. Крылатый Гор в образе сокола летит впереди Ладьи. Крокодилы, гиппопотамы и ползучие ядовитые твари пытаются напасть на Ладью врасплох. Увидев приближающуюся Ладью, павианы поют:

Великий Ра!

Ты сотворил птиц, зверей и растения,

Мы воздаем тебе хвалу!

Мы услаждаем твой слух

Мелодичным пением

И пляшем для тебя...⁶¹

---

⁶⁰ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. – Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО Издательство «Северо – Запад, 2006. – 463 с., с. 61.

⁶¹ Мифы и сказки Древнего Египта. /сост. Г.А. Мачинцев. – СПб.: ПКФ

Когда ладья приближается в каменным воротам подземного царства, Все перемещаются в новую ладью Месектет. К ним присоединяется змей Нехен, грозный Акер, Нехебкау. Этот Нехебкау имеет человеческое тело и змеиную голову. Вместе богом-волком Упуату они являются привратниками и охраняют Загробный Мир. Кроме того, только Упуат знает тайные заклинания и поэтому этого бога-волка называют «Открывателем Путей»⁶².

Когда Ра сел в дневную ладью, в середине пути из небесной реки вынырнул змей Апоп и с шипением вцепился зубами в борт. Апопа удалось победить силами богов, находившихся в ладье и он снова уплыл в реку. Достигнув запада, надо было пересечь в ночную ладью. Но тут Ра встретили павианы, издавая многоголосый вопль. Пересев в ночную ладью, врата Загробного мира закрылись за кормой, и хор павианов стих. В Дуате царил бóльший порядок, чем на небесах: «вся подземная река была перегорожена воротами...»⁶³. Мертвецы стали приветствовать солнечного владыку.

Слава тебе Ра!

Почитают тебя обитатели Дуата,

Поклоняются тебе обитатели Преисподней.

«ОЮ-92», 1993. – 208 с., с. 46–47.

⁶² Там же, с. 47.

⁶³ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. – Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО Издательство «Северо – Запад, 2006. – 463 с., с. 31.

Восхваляют они тебя, грядущего в мире.
Ликуют сердца подземных,
Когда ты приносишь свет обитающим на западе.
Полны радости их сердца,
Когда они смотрят на тебя.
Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда твой свет озаряет их лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,
И каждый ложится в свой гроб...⁶⁴

Их крики оказались еще более кошмарными по сравнению с павианьими. Перевод стихов этих разнится у разных авторов. Приведем пример:.

Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда свет озаряет их лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,
И каждый вновь ложится в свой гроб!..⁶⁵

Все умершие имеют свою покровительницу – богиню Нефтиду, будущую жену Сета.

---

⁶⁴ Перевод стихов М.Э. Матье. Цит. по: Мифы и сказки Древнего Египта. / сост. Г.А. Мачинцев. – СПб.: ПКФ «ОЮ-92», 1993. – 208 с., с. 48.

⁶⁵ Цит. по: Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. – Ростов на/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО Издательство «Северо-Запад, 2006. – 463 с., с. 32. «... так плыли они долго, и лишь после четвертой долины Дуата после звучания сводного хора мумий, воцарилась блаженная тишина. Но когда ладью окружили оставшиеся без погребения и лишенные скудных радостей загробной жизни утопленники, Ра даровал им погребение.»

В Подземном Дуате опять Апоп напал на Ра. Но Ра обратился в кошку⁶⁶ и, вооружившись мечом, отсек голову Апопу, который проглотил подземную реку и таким образом образовал мель, на которой застряла ладья. Вылившаяся вода дает возможность продолжить путь.

Силен Ра! —
Слабы враги!
Высок Ра —
Низки враги!
Жив Ра —
Мертвы враги!
Велик Ра —
Малы враги!
Вознесся Ра —
Пали враги!
Есть Ра —
Нет тебя, Апоп!⁶⁷

В угаритской мифологии, представляющей собой промежуточный регион между цивилизациями Вавилонa и Егип-

---

⁶⁶ Кошка – священное животное. Поэтому они пользовались особенным почетом и уважением в Древнем Египте. Они считались самыми красивыми животными и красавицы стремились перенимать их грациозные движения. Современные ученые даже обнаружили священный город, где жили несколько тысяч кошек, за которыми ухаживали специальные слуги.

⁶⁷ Мифы и сказки Древнего Египта. / сост. Г.А. Мачинцев. – СПб.: ПКФ «ОЮ-92», 1993. – 208 с., с. 52–53.

та – в районе Ханаана, где люди говорили на семитских языках, мифы и легенды делятся на три группы: Самая большая группа – о приключениях и деяниях бога Баала и его отношениях с другими представителями пантеона. Вторая группа посвящена царю Хубура, Керету. Третья – Акхату, сыну Даниэля, легендарного царя.

Высший бог угаритской мифологии – Эл, часто именуемый Бык Эл. Он – отец богов, обитает в поле у источника рек. Его сын Баал, бог плодородия. С ним враждует бог морей и рек Йам-Нахар – любимец Эла. Бог ремесленников Котар-и-Хасис, богиня солнца Шапаш (как похоже на бога солнца Шамаша в аккадской мифологии!). Жена Эла – Ашторет, мать богов, повелительница моря – Ашера, ее сын Аштар, для которого она добивается трона Баала, бога молнии и грома, сестра Баала – Анат.

В мифах о Баале есть легенда об Анат, сестре Баала, которая уничтожила всех врагов на пиру, где праздновалась победа над Йам-Нахаром. Анат покрывает кожу хной и румянами для пира, затем закрывает все двери дворца и убивает всех врагов Баала, привешивая к поясу головы и руки убитых. В связи с этим она оказывается по пояс в крови. Некоторые усматривают в этом мифе связь с египетским мифом о Хатхор, убившей врагов Ра⁶⁸.

---

⁶⁸ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 71.

Баал отказывается посылать дань Моту – богу бесплодия и преисподней. Но Мот – фаворит Эла. Любопытно, что «мот» по древнееврейски означает «смерть». Баал отправил гонцов к Моту, что он перестает платить ему дань. Но Мот прислал в ответ угрожающее послание, которое ввергло Баала в страх. Эти же гонцы объявили Элу, что Баал мертв. Эл оплакивает сына, посыпает голову пеплом, надевает грубую одежду, бьет себя камнями по щекам. Оказывается, что чудовища захватили Баала и он оказался в трясине, из которой не мог выбраться 7 лет. Это один из вариантов рассказа о смерти Баала. По другой легенде Анат находит тело брата, хоронит его, устраивает тризну. Но через 7 лет Баал снова появляется на земле. А Анат рассекает мечом тело Мота, развеивает своим опахалом. Сжигает на огне, перемалывает на ручной мельнице, и сеет в землю. Как видим, все эти действия Анат похожи на обработку зерна.

В угаритской мифологии много сюжетов, связанных со смертью, так Керет, царь хубура, потерял жену, детей и дворец. Естественно, что он оплакивает трагическую потерю. Но во сне ему является Эл, и просит принести ему жертву.

В целом в угаритской мифологии явно ощущается влияние вавилонской и египетской мифологии. Доминирующей становится вавилонская мифология. Однако для нас важно, что ханаанская, т. е. угаритская мифология оставила заметные следы в еврейской мифологии.

Один из хеттских мифов повествует о смерти дракона Ил-

луянке. Богиня Инара приготовила для дракона ловушку. Она наполнила сосуды вином, надевает красивые уборы и выманивает дракона из его логова. Дракон вместе с детьми выпивает до дна содержимое всех сосудов и не может вернуться в свое логово. Тогда Человек по имени Хупасия, который согласился помочь Инаре, связывает дракона веревкой, а Бог грозы является сюда и убивает дракона Иллуянку. Один из вариантов этого мифа: дракон одержал победу над Богом грозы и унес его сердце и глаза. Но его сын вырос и отобрал у дракона глаза и сердце отца и вернул их ему. Тогда Бог грозы убил дракона Иллуянку. Итак, воскрешение умершего бога – довольно распространенный миф. Часто эти сюжеты связаны с Новым годом. Здесь мы видим влияние вавилонского мифа об убиении дракона Тиамат, оказавшего воздействие на хеттский ритуальный миф.

Интересен миф о боге Телепине, сыне бога грозы, повествующий о возвращении исчезнувшего бога. Телепин ушел, так как оказался в ярости – из-за отсутствия табличек, отчего это произошло – неизвестно. Но, уйдя в степь, Телепин остается там и засыпает. В его отсутствие страну покрывает туман, наступает засуха и голод и многие другие несчастья. Естественно, что отец, бог грозы, начинает поиски сына. Он посылает быстрокрылого орла, но он возвращается ни с чем. Богиня Ханнахатна посылает Пчелу, которая должна ужалить Телепина и смазать ему воском глаза и ноги и привести к богам. Пчела выполняет все повеления богини, но

Телепин еще больше расшвирил, пробужденный от сна. Богиня Камрусепа производит обряд очищения и Телепин возвращается на крыле орла. Камрусепа укрощает гнев Телепина. И его гнев изгнан в преисподнюю. Вот как представляется преисподняя: «Привратник отворил семь дверей, отпер семь затворов. Внизу в земле мрака стоят бронзовые котлы, их крышки сделаны из металла абару, их ручки из железа. То, что в них попадает, обратно не выходит, а погибает там. Пусть они примут в себя гнев, свирепость и злобу от Телепина. Пусть они никогда на выходят оттуда!»⁶⁹.

Таким образом, и в хеттских мифах мы видим большое влияние вавилонских мифов. Но при этом многое из хеттских мифов восходит к греческому и европейскому фольклору.

Говоря о древнееврейской словесности, следует иметь в виду, что Ветхий Завет в изобилии содержит мифологический материал. В Книге Бытия можно проследить традицию двух ранних переселений народа в Ханаан. Первые поселенцы во главе с Авраамом появились в Ханаане из Ура Халдейского примерно в середине XVIII в. до н. э. и осели в окрестностях Хеврона. Позднее кочевые и полукочевые переселенцы арамейских племен пришли во главе с Иаковом и поселились вокруг Сихема. Третья волна евреев вышла из рабства в Египте в конце XIII в. в Ханаан, где жили семи-

---

⁶⁹ Pritchard J.B. The Ancient Near Eastern texts relating to the Old testament. Princeton, 1950, p. 128.

ты, как и они, но занимались земледелием, а пришельцы были скотоводами. Так как Ветхий завет – продукт многовековой работы редакторов, то здесь можно найти разночтения. Сложно выявлять источники и первоначальные формы мифов, здесь содержащихся, изменения, внесенные еврейскими авторами, их собственные мифы. Как утверждает С.Г. Хук, «В окончательной редакции Ветхого Завета большая часть мифологического материала собрана в первых одиннадцати главах Книги Бытия, а другие мифы, разбросанные в фрагментарных формах по еврейским сказаниям и поэзии ...»⁷⁰. Он считает, что основой здесь служит палестинская, выражающая раннеханаанейские представления, а не месопотамская или египетская мифологии, хотя источник, которым пользовались палестинские мифы – месопотамский⁷¹.

Представление о рае в Книге бытия, где первый человек наделен мудростью и способностью слышать советы Бога, очень близко представлению о божественном саде шумерских мифов, где нет болезней, смерти и дикие звери не охотятся друг на друга. Это описание рая можно найти в шумерской поэме. Крамер назвал ее Эпосом об Энмеркаре.

А там, в Дильмуне, ворон не каркает.

Птица «смерти» криков смерти не накрикивает.

---

⁷⁰ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 92–93.

⁷¹ Там же, с. 98–99.

Там лев не бьет.

Волк ягненка не рвет.

Там собака сторожевая, как козлят стерегут, не знает.

Там свинья зерна не пожирает.

Вдова на крыше солод не расстиляет

Птица небесная тот солод не склевывает.

Там голубь головою не вертит

Там хворь глазная «я хворь глазная» не говорит.

Там старый «я старый» не говорит.

Там девушка не умывается, водой из океана не плещется.

Там перевозчик «навались» не кричит.

Там страж вокруг зубцов не кружит.

Там певец песнопений не распевает,

Плачей за городом не заводит⁷².

Как видим, в рае нет воды. В семитском варианте шумерских мифов место Дильмун, место рая, располагалось в устье Персидского залива. В шумерском мифе богиня-мать Нинхурсаг посадила в саду богов 8 растений. Но Энки, проголодавшись, съел их все. Нинхурсаг, разгневавшись, прокляла его и ниспослала на него смерть. Энки заболел и стал умирать. Никто не мог ему помочь, даже Энлиль. Боги заставили Нинхурсаг исправить положение. Она создала 8 богинь-целительниц. Одной из них была богиня, созданная из ребра Энки и она получила имя Нинти, что означает «госпожа реб-

---

⁷² Цит. по: Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 101–102.

ра». При этом шумерское слово «ти» означает и «ребро», и «давать жизнь». И в древнееврейском мифе женщина была создана из ребра Адама, и имя ее Ева означает «жизнь». Близость этих мифов обусловлена и тем, что и там, и здесь, тема смерти и болезней, поиски бессмертия стали основой мифов о рае, творении, потопе, ставшие традиционными в мифах народов, испытавших на себе влияние месопотамской культуры.

Как верно пишет С.Г. Хук: «Такие образы и символы мифа, как убиение дракона, сад, древо познания добра и зла, змий, стали языком, дающим возможность выразить то, что иным путем выразить невозможно»⁷³.

Один из важных мифов – миф о Каине и Авеле Оба они – дети Адама и Евы. Рождены они были после изгнания родителей из рая. Каин – земледелец. Авель – скотовод. Оба приносят жертвы богу Яхве, но жертвы Каина отвергнуты. Охваченный завистью Каин убивает Авеля. Это было выражение вражды между оседлыми земледельцами и скотоводческими полукочевыми народами.

Любопытно, что еврейский Новый год праздновался в течение 7 дней и в какой-то мере напоминал вавилонский новогодний праздник и в целом новогодние торжества в городах Месопотамии с древних времен, а также афинский ри-

---

⁷³ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 104.

туал Буфония.

Во время вавилонских новогодних празднеств, связанных с земледелием, жрец, приносящий жертвоприношение, и заклинатель, изгонявший зло, забивали овцу, ее кровью обмазывали стены храма и затем убегали в пустыню. В еврейском празднике Судного Дня забивают козла, но вместо людей в пустыню отпускают второго козла, «козла отпущения» грехов. Считается, что бегство Каина сначала имело ритуальное значение. После убийства, которое, вероятно, было ритуальным, и Каин, по всей видимости, относился к священному сословию. Если у египтян не было мифа о потопе, хотя и существовал миф об уничтожении человечества. У вавилонян причина потопа – люди слишком шумели и мешали богам. Можно сравнить с индейскими верованиями, где также люди мешали богам. Для еврейских авторов потоп стал предзнаменованием катастрофы, вызванной бунтом человека против Бога. Ясно прослеживается связь между библейским потопом и его месопотамском происхождении. Как отмечает С.Г. Хук, «процесс трансформации носил гораздо более радикальный характер и мифы приобретали более глубокий религиозный подтекст...»⁷⁴.

Надо подчеркнуть, что мифы об уничтожении человечества по-разному претворялись в Египте, Месопотамии. В Книге Бытия к этому сюжету примыкает история о разрушении Содома и Гоморры и спасении Лота. Разрушение этих

---

⁷⁴ Там же, с. 127.

городов было сделано ниспосланным с небес дождем из серы и огня. Причина – порочность жителей этих городов. Так же потоп был ниспослан богами из-за порочности людей. Интересно отметить, что, описывая разрушение порочных городов, автор использует слово «ниспровергнуть». На иврите это слово обозначает последствия землетрясения. Любопытно, что еврейский Новый год праздновался в течение 7 дней и в какой-то мере напоминал вавилонский новогодний праздник и в целом новогодние торжества в городах Месопотамии с древних времен, а также афинский ритуал Буфония.

Не только в Ветхом завете мы видим претворение древних мифов. Есть они и в Новом Завете. Одним из наиболее важных элементов древних мифов был сюжет об умирающем и воскрешающем боге. Евангельские рассказы о страстях и воскресении Иисуса были смоделированы по образцу вавилонского ритуального мифа искупительная смерть божества, свидетельствующая о неблагополучии в нравственном миропорядке получает оправдание в страстях и воскресении сына Божьего. Древнееврейские авторы пользовались шумерскими и вавилонскими мифами. Но теперь возникла новая функция мифа, который стал средством выражения истины откровения... Перед смертью Иисуса в течение трех часов на всей земле была тьма, имевшая символическое значение. Верно пишет С.Г. Хук: «В религии, и особенно в такой ее форме, как христианство, мы оказываемся перед лицом ре-

альностей, о которых невозможно говорить, не прибегая к языку аналогии, человеческое сознание нуждается в образах и символах, в том, из чего состоит миф»⁷⁵, Иисус был наречен ангелом, который сказал Иосифу дать это имя, означающее по-еврейски «Спаситель». Смерть Иисуса – начало Нового завета, который устанавливает новые отношения между Богом и человеком.

Для древних, как и для современных людей, полное небытие – не только непредставимая абстракция, но и эмоционально неприемлемое явление. Поэтому представления о загробном мире было неизбежно. Загробная жизнь представлялась как продолжение земной и посмертном воздаянии за земные дела. В мифах главное – не передача исторического содержания, а этические представления.

Сегодня мы видим частое обращение к прошлому. «Обращение к прошлому – характерная черта эпох, когда перспективы на будущее становятся неясными или мрачными»⁷⁶.

---

⁷⁵ Там же, с. 154.

⁷⁶ Яacobсон В.А. Послесловие // Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В. А. Яacobсон. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 181.

Знаковость вещей

(Опубликовано: «Креативная экономика и социальные инновации», № 2 (7), 2014. Вып. 4)

Нас окружает в жизни множество вещей. Каждая из них – ценность, в которую мы вкладываем огромное количество смыслов. Уже в древней Месопотамии вещи, составлявшие богатство человека, высоко ценились. В «Поучениях Шуруп-пака» отец наставляет сына:

С хорошо устроенным имуществом.

Сынок, ничего не сравнится

(*Цит. по: Клочков, 1983: 148*).

Как писал И.С. Клочков, человека и вещи «связывали, можно сказать, *личностные* отношения» (Клочков, 1983: 7 (курсив И.С. Клочкова)). И в дальнейшем мы видим такую же привязанность к вещам. Так, в эпоху Средневековья вещи воплощали качества их обладателей. Они имели собственную душу, имя, судьбу, жизнь. «Вещи вообще могли воплощать качества их обладателей». (Гуревич, 1972: 7). Однако при этом одни и те же вещи могли менять свою статусность. Так, когда в бронзовом веке освоили литье легкоплавких металлов, ценились золото и серебро или электр (сплав из них). Однако, когда было освоено литье тугоплавких металлов, железо их заменило. Когда было открыто производство алюминия, ложки из этого, тогда дорогого металла, бы-

ли сервированы для именитых гостей на приеме французского короля, несмотря на их непрезентабельный вид. Однако впоследствии, когда был найден дешевый способ производства, вилки и ложки из него стали распространенными в общепите (многие помнят их вид и неприятный запах).

История культуры показывает, что, несмотря на возрастание количества вещей, они продолжали оставаться важной характеристикой человека. В еврейском народном фольклоре есть такая притча. Народный герой, как всегда народный герой – бедный, плохо одетый, явился на богатую свадьбу. Естественно, увидев оборванца, его тут же выгнали. Тогда он достал себе одежду богатого вельможи. И теперь уже в таком виде явился все на ту же свадьбу. Вот теперь его посадили во главе стола, воздавая разного рода почести. А он стал класть еду и лить вино на одежду, приговаривая:

– Ешь, мой костюм, пей, мой халат.

– Что же вы делаете, господин? – вопрошали окружавшие его люди. На что он отвечал: «Но ведь в моей одежде вы меня не пустили. Значит, пустили не меня, а ту одежду, в которую я переоделся. Вот я ее и потчую».

Притча эта хорошо корреспондирует с русской пословицей «По одежке встречают, по уму провожают». Одежда всегда была знаковым элементом, характеризующим человека.

Уже в Древнем Египте фараон носил урей и клафт как знак его связи с богами, а схенти у него и его приближенных был из тонкой ткани, часто плиссированный, длиннее, чем

у простого земледельца, а у раба вообще представлял собой кожаную повязку. В античности одежда также была знаковой для разных сословий. И продолжалась знаковость одежды и в Средние века, и в эпоху Возрождения и в Новое и Новейшее время. До сих пор одежда – определенный знак, показывающий, как человек себя репрезентирует. Сегодня у уважающего себя бизнесмена должны быть «пиджаки и от Кардена, и от Босса, и от Гуччи. Таковы опознавательные знаки системы...» (Рой О., 2013: 111). В 2011 и 2012 году на канале «Культура» демонстрировались телепередачи «Мост над бездной» Паолы Дмитриевны Волковой. В память о ней в марте 2014 года они повторялись. Каждую программу Паола Дмитриевна вела в костюме, соответствовавшем теме: аксессуары – кольца, браслеты, колье подчеркивали тонкость, чуткость художественного восприятия, глубину, эрудицию и изысканность ведущей.

Вещь – феномен культуры, который, благодаря своей способности аккумулировать в себе традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы, приобретает аксиологическое звучание. В период становления национальных культур в первую очередь появляется нечто неповторимое, индивидуальное. На сегодняшнем этапе ясно видны тенденции сближения национальных культур. Диалог культур ощутим на каждом шагу. Важно, что вещи отражают образ жизни, который становится во всех странах похожим. Если раньше совершенно по-разному осмыслялась форма

предметов в западной и восточной культурах, то в настоящее время между Западом и Востоком во многом начинают стираться различия. Раздаются даже предложения выделить науку о вещах – реологию. В любой вещи, как бы ни было подчеркнута ее назначение, наряду с ее практической функцией есть и иная, аксиологическая, отражающая отношение материально-предметного бытия к духовным запросам человека.

Г.В. Плеханов показал, что вещь может быть ценной, если только она символизирует значимые общественные отношения. Это обстоятельство позволяет выявить еще одну важную характеристику вещи в системе культуры: с древности она начинает служить в качестве знака, символа социального положения человека.

Однако в истории значение вещи меняется. Если в древности – вещь – выражение сущности человека, то уже в XX веке вещь – средство утвердить свое преимущество перед другими, но сама вещь при этом ничего не значит. Как писал И.С. Ключков, «между человеком и вещью, по существу, нет подлинной связи. Действительно, человек общества потребления стремится к вещам и высоко ценит их, но ценит как обеспечивающие комфорт средства или как знаки социального престижа. Настоящую привязанность к той или иной вещи он испытывает редко» (Ключков, 1983: 7). В 60-е гг. XX в. вещь становится подлинным воспитателем чувств, мерой значимости человека. Человек превращается в «вожделенный глаз», жадно вбирающий блага цивилизации, в ненасыт-

ного Потребителя. Эта мысль получила отражение в таких романах, как «Вещи. Одна из историй шестидесятих годов» Ж. Перека, «Игрушки» и «Печальные похождения мойщика витрин» Ж. Мишеля, «Прелестные картинки» С. де Бовуар, «Внуки века» К. Рошфор, «Нейлоновый век» Э. Триоле и др. Во многих романах показывается, как люди приобретают вещи, отнюдь не используя их. При этом они с удовольствием посещают магазины, закупают груды вещей и забывая ими свое жилище. Неслучайно, после смерти Энди Уорхола было обнаружено огромное количество прекрасных вещей, которыми он отнюдь не собирался пользоваться, хотя это и были предметы, которые приобретаются именно для непосредственного употребления – например, флаконы с дорогими духами.

Приблизительно в эти же годы обозначенные в книгах явления наблюдаются и в СССР. Показателен рассказ Екатерины Максимовой и Владимира Васильева, как на заре своих зарубежных гастролей они были приняты американским магнатом. Он повез их на свой остров в машине, вызывавшей восторг: там всюду были кнопки, с помощью которых можно было наблюдать диковинные для советского человека того времени превращения. В своем замке он показал им огромный подвал с напитками и подарил им две бутылки 200-летней давности. Они были покрыты паутиной, которую Екатерина принялась тут же счищать. Магнат остановил ее. Это был знак их высокой стоимости – много выше брилли-

антов. Когда они вернулись домой, они получили квартиру, в которую в первую очередь купили весьма дефицитный по тем временам румынский сервант. В него-то и поставили диковинные привезенные бутылки. По случаю новоселья были приглашены гости. Наутро драгоценные бутылки были опустошены, но никто не запомнил, каков же был вкус их содержимого. При советской власти, когда большинство жило в коммунальных квартирах, вещей было не так много. Как правило, все нужно было «доставать». И чаще всего доступны были изделия из хрусталя, которые загружали в вожденный сервант. Это была престижная выставка достатка данного интерьера. Но в то время «вещизм» порицался во всех средствах массовой информации. Впрочем, отказ от обилия вещей был характерен и на Западе. Характерен роман Элиаса Канетти, где герой, профессор, подбирает себе квартиру на последнем этаже для того, чтобы по все стенам, закрывая окна, поставить стеллажи для книг. Окно же для света он пробивает на крыше. Внутри же стоит только стол и кровать. Надо понимать, что не все советские люди были столь ущербны во вкусах. Многие представители интеллигенции старались назло окружающей обстановке, сделать свой дом изысканным и изящным. Особенно это было характерно для артистической среды. Известно по воспоминаниям современников, такой прекрасный интерьер был характерен для дома Марии Бабановой, где мебель была стильной, классицистической. Ей соответствовали посуда и при-

боры. И не беда, что на прекрасных тарелках могла подаваться обычная картошка в мундире.

Совсем иные представления стали характерны для периода после перестройки. Теперь многие получили доступ к частной собственности. Увы, многие были не подготовлены к обладанию большими средствами ни образованием, ни эстетическим воспитанием. В описании Оксаной Робски такого гламурного дома нуворишей не нашлось места ни для библиотеки, ни для места для интеллектуальной деятельности (Робски, 2006). А как же? Зачем нужны книги, если есть Интернет? А работать надо не дома, а на работе. Дома надо отдыхать. В 90-е годы XX века многие стали приобретать квартиры и устраивать интерьеры соответственно мексиканскому сериалу, который транслировался тогда по телевидению и многие прилипли к нему. Поэтому новые квартиры того времени устраивали с обязательной аркой Санта Барбара, которая воспринималась как знак евроремонта. Многие художники зарабатывали при этом, так как у новых нуворишей не было подготовки к созданию индивидуального интерьера. Один из наших друзей как раз и зарабатывал таким образом. И я попросила показать сделанный интерьер. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила соединенную кухню со столовой, шикарную спальню, гостиную, кабинет, где стоял бильярдный стол. «А где же книги? – спросила я. – А это квартира любовницы бандита. Ни она, ни он читать не будут». Зато здесь были атрибуты богатства, пони-

маемые в то время как знак шикарной жизни. Нашло это отражение и в современной художественной литературе. Описывая интерьер современного удачливого бизнесмена, автор пишет, что «библиотеки в квартире не предполагалось. Это квартира для интернета, в котором все уже есть. Все необходимые книжки благополучно перекачены в сеть, а новые все прибывают» (Рой О., 2013: 80), что, конечно же, не соответствует действительности. Таким образом, как это уже показал Жан Бодрийяр, «современная домашняя обстановка целиком включается в знаковую систему «среды» (Бодрийяр, 1999: 45).

Итак, вещь олицетворяет богатство. Уже с древнейших времен. Но постепенно вещь получает в понятиях общества совсем иную нагрузку. Все больше осознается знаковость вещи. В работе М. П. Фуко «Это не трубка» (1973), посвященной картинам Магритта, автор говорит о разрушении самоидентичности, идентичности вещи. Игра подобий, геометрически аналогичных форм уничтожает сходство вещей, сходство с первоначальной идеей. Только мысль, по его мнению, может быть наделена сходством. И только мысль оставляет вещам их истинное место в мире человека.

Каждая эпоха и социальная группа накладывают отпечаток на все вещи, в ней существующие и ее создающие. Исходя из этого, вещи можно рассматривать как носителей определенных значений. Если взять какой-нибудь предмет быта – скажем, стул – и проследить его изменения и модификации

синхронно (по странам) и диахронно (по временам), то мы получим обширные представления и об образе жизни людей, и о развитии техники, и о причудах и разнообразии моды. Таким образом, в нем, в этом предмете, отразятся все особенности определенной культуры. Вещи, используемые в домашнем быту, приобретают, помимо и сверх их утилитарного назначения, функцию выражения определенного космологически цельного мировоззрения, в котором все предметы, их расположение в пространстве представляют собой непростую систему. В зависимости от контекста вещь может восприниматься и как знак совершенно далеких от нее явлений. Вот как, например, поэтично говорит о женской туфле Тимур Зульфикаров в своей притче «Евразийская чайхана»:

«— О мудрец, ты знаешь все тайны бытия и смерти! Да! Но! Как родилась обувь? Как родилась женская соблазнительная, бесовская, похотливая, змеиная, похожая на голову кобры, туфля? А?

Тогда Ходжа Насреддин улыбнулся и сказал:

— А что такое женская извилистая хищная туфля? Это союз! Это сладкая связь каблука и стреловидного носка! И каблук — это зебб-фаллос мужа, а змеиный узкий носок — это устье, это лоно, это эль кесс жены! И тут вечная погоня фаллоса мужа за лоном жены! И чем уже носок — тем выше, дольше каблук! А может, тут и вся разгадка земного бытия? А?..

И еще мудрец тихо шепнул:

— Говорят, что Адам, наш первоотец, соблазнил Еву, пер-

вожать, только тогда, когда она встала на каблуки, как на два вздыбленных фаллоса-зебба!.. И те первокаблуки были так высоки и тонки, что Ева не смогла удержаться на них и закачалась, замаялась, и оттого стала бешено желанной, и рухнула переспело в объятия Адама. С той поры так любят грешные блудные мужи высокие шаткие змеиные каблуки! Да! Айхха!.. Так что обувь родилась не для хождения, а для соблазнения!..» (Зульфикаров, 2001: 8).

Любая вещь со временем приобретает свою значимость и повышенную стоимость. Так, например, образцы мужской и женской обуви второй половины XVII века, сделанные из дерева, но декорированные ажурной резьбой и лаковой росписью, были приобретены на аукционе 26 июня 2012 года за 8000 фунтов (Блюмин, 2013: 7). Ясно, что помимо их старины, они были значимы и как художественная ценность. В целом, одежда, украшения, дают представление о том, что представляет собой та или иная личность. И можно сказать даже больше: внешний облик, создаваемый с помощью костюма, может дать представление об эпохе (Упине, 2013: 66). В костюме выражается не только индивидуальное самоощущение, но и эмоциональное отношение к действительности.

Вещь вплетена в сложную систему разнообразных символических связей. Так, в славянской культуре печная утварь выполняла в обрядах стихию огня. Дом – один из наиболее значимых и символически нагруженных объектов человеческого окружения, место многочисленных ритуалов. Наибо-

лее важная символическая функция – защитная. Красный угол в доме – наиболее парадное и значимое место. Стол – сакральный центр жилища. Печь наделена серией диффузных и противоречивых значений. Порог – элемент дома, играющий роль его символической границы с внешним миром, окно (произведено от «око») – источник света. Ложка играла заметную роль в обрядах восточных славян, олицетворяя собой конкретного члена семьи, использовалась в различных обрядах и символизировала многие явления, как и нож и решето. Место у печи – женское пространство, в красном углу – наиболее почетное. Противопоставление печь – красный угол было материальным воплощением двоеверия в структуре русского жилища: религиозно-мифологический способ видения с четко разработанной дихотомией закрепил второй центр, красный угол, в противопоставлении языческому – печи.

Наиболее значимыми элементами жилища в семиотическом плане являются его границы – стены, крыша, пол. В качестве границ в русском жилище выступают также локативы (печь, стол и др.). Однако выделяются в семиотическом плане в первую очередь входы и окна. Регламентированную связь с внешним миром представляют двери. Вот почему так много ритуалов, загадок, присказок, связанных с дверью. Нерегламентированную связь с внешним миром отождествляют с входом через окно, дымоход и т. д. Двери, ворота отождествляются также с утробой, вульвой, почему возни-

кает актуализация порога, например, при болезни – с помощью манипуляций в двери лечили радикулит, детский испуг и т. д. Символика окон представляет собой оппозицию внешний – внутренний, как и двери. Но несет также оппозицию видимый / невидимый. Вот почему проницаемость окон для человека, птиц, животных считалась нежелательной. Отсюда считается дурным предзнаменованием, если птица залетает в окно. Окно, как правило, связано с идеей смерти, ибо, оставаясь во внутреннем пространстве, оно представляет собой проникновение во внешнее пространство.

Значимым в доме является семантическая роль матицы, сегментирующей внутреннее пространство жилища на три части – красный угол под образами, главный, собственно изба; подпорожье – задний угол, кут (у входа) и печной – перед печью, середина.

В красном углу находились объекты, которым придавалась высшая культурная ценность: стол, библия, молитвенные книги, крест, свечи. Все пространство в красном углу имеет знаковый характер. В зависимости от места в нем измеряется ценность находящихся там вещей и людей. Наибольшую ценность представляют образа и соответственно место под ними. Наиболее высокий знаковый статус имеют иконы. Но столь же значительна и сакраментальна роль стола, которому отводится важнейшая роль в ритуале свадебного ритуала.

Печь имеет многозначное семиотическое осмысление:

приготовление пищи как обрядовой, так и обыденной; связь ее с социальной интерпретацией: тот, кто сидит на печи – свой. Кроме того, маркировано женское пространство, в отличие от красного угла, где доминирующее значение принадлежит мужчине. Рядом с печью – бабий угол. Эта часть избы исключительно женская.

Помимо горизонтального членения, семиотическое пространство избы имеет и вертикальную структуру. Пол и потолок делят его на три зоны – чердак, жилое пространство и подполье. Крыша определяет связь, является границей между небом и миром людей, хотя и осмыслялась в числе женских элементов жилища (в этот ряд входили все элементы жилища, имеющие отверстия – стены, печь и т. п.). Связь крыши с солярной тематикой, как правило, подчеркивается солярной семантикой.

Внутренние границы вертикального среза жилища представляют собой пол и потолок. Сами половицы имеют ярко выраженный знаковый характер: половица связана с идеей пути, вдоль них кладут покойника и никогда не стелят постель. Потолок составляет парность к полу, почему иногда его называют верхний пол. Пол входит в комплекс представлений о низе, потолок – о верхе. Соответственно чердак и подпол – выходят за границы жилого пространства и находятся на его периферии. Но внешнее и внутренне пространство взаимопроницаемы.

Наибольшей степенью семиотичности жилого простран-

ства обладает его горизонтальная плоскость. Вертикальная же плоскость в этом плане – менее характерна.

Важным элементом в жилище является орнамент, нередко нанесенный на элементы жилища – оконные резные украшения, украшения на коньке крыши и т. д. Кроме того, обычно бытовая утварь сплошь связана с орнаментикой. Но орнамент представляет собой также знаковую систему, репрезентирующую эстетическую и мифопоэтическую информации этнической целостности. Орнамент как язык представит в виде кода, передающего основные специфические особенности этноса. В структуре керамического орнамента, как и в объемной форме сосуда, смоделированы не только эстетические, но и этнопсихологические стереотипы. Сами объемы, их геометрические параметры, орнамент, тонкостенность керамики – все вместе выражают психологические характеристики людей, пользующихся этими вещами.

Народная мелкая пластика также дает возможность эстетической расшифровки семантики предметов, пространственные и временные границы распространения той или иной культуры. В разных ареалах проявляются типологические черты украшений, укладываемых в следующую триаду: функция – канон – украшение. Сопоставляя особенности разных ареалов, в силу различных условий порождающих различные типы ментальности и отражающих ее в художественных средствах выразительности, можно декодировать структурные типы художественного отражения ми-

ра в сознании людей, создавших тот или иной орнамент. Причем, нередко художественный тип структуры орнамента схож с типами языковых структур. Антропоморфные мотивы в орнаменте часто являются проявлением древних сакральных представлений, послуживших возникновению и осмыслению таких отвлеченных категорий, как, например, смерть / бессмертие.

В наше время происходит все большее убыстрение смены вещей. И даже если старинные вещи приобретают все большую ценность, очень часто они выбрасываются. Так, в современной Англии сохранилось большое число старинных домов, наполненных мебелью, которую выкидывают на помойку, так как их реставрация стоит дорого. А средств у их обладателей нет.

Точно так же мы видим отношение к машине. Если раньше – обладание машиной представлялось роскошью, то сегодня уже важно, на какой машине ты едешь. В Америке машина – не роскошь, а средство передвижения уже давно. И советским людям было удивительно, когда безработные там ехали на своей машине для случайно подвернувшейся работы. Однако в поисках работы очень важно, на какой машине ты ищешь эту работу. Недавно одна актриса рассказывала, что она ездила наниматься на работу на своей машине. И везде ей отказывали. Но однажды у нее в машине что-то сломалось, и подруга дала ей свой «Ягуар». Когда она приехала на нем, работа сразу же нашлась.

Время приносит новые формы, новые материалы. Иногда они удачны. Иногда – нет. Ролан Барт писал, например, о пластмассе: «Её строение характеризуется чисто негативно – она не обладает ни твердостью, ни глубиной и вынуждена довольствоваться лишь сугубо нейтральным (хотя и полезным на практике) свойством, а именно прочностью, то есть способностью не сразу поддаваться внешней силе. В поэтике материалов это материал – неудачник» (Барт, 1996: 213). И все же новые вещи часто способствуют комфорту и находят все большее применение. Отчасти потому, что становятся более дешевыми благодаря усовершенствованию технологии, отчасти благодаря широкому распространению. Вспомним, как раньше наличие мобильного телефона говорило о значимости его владельца. Теперь – это обычный предмет любого мало-мальски обеспеченного человека. Компьютер также изменил жизнь людей. И хотя сегодня есть профессора, которые с гордостью говорят о том, что они не пользуются компьютером, но новые модификации, наличие айфонов и других гаджетов совершенно изменяет жизнь людей, которые видят в этих новых вещах не только их сущность, но и знаковое наполнение.

Каждый предмет в квартире имеет определенную утилитарную форму, но несет на себе и груз подчас довольно трудно расшифровываемой семантики. Однако постепенно вещь приобретает статус знака, становясь элементом «совсем иного пространства – не материально-вещественного, но иде-

ально-духовного» (Топоров, 1995: 11). Вещь может выступать в качестве этнического индикатора власти, показателя социальной или кастовой принадлежности владельца, даже может выражать его конфессиональную принадлежность. «действительно, вся жизнь человека связана с вещами. Каждое поколение создает свой предметный мир. Вещи создаются для человека и во имя человека. И поэтому у всякой вещи есть свое человеческое измерение. Вещи как зеркало культуры отражают насущные запросы повседневной жизни человека, его чаяния и завоевания, поиски красоты и радость самоутверждения» (Бирюков, Ионесов, 2012: 24). В культурологии сложилось несколько различных подходов к изучению семантики предметной среды: метод «этнографических аналогий» Дж. Фрезера, разработанный Г.Г. Шпетом и разделяемый новой этнографической школой; метод структурного анализа, предложенный К. Леви-Стросом; феноменологический метод Э. Гуссерля, который дает возможность познания вещи в ее историческом контексте; герменевтический метод, разработанный Дильтеем – Хайдеггером – Гадамером, разделяемый экзистенциалистами и позволяющий рассматривать вещь как целостный текст в контексте культуры. Все эти подходы при изучении семантики вещи могут быть использованы в современном анализе, однако следует помнить, что сама вещь выступает как культурный текст определенной, исторически обусловленной знаковой системы. При этом, по меткому замечанию Бодрийяра, «всякая вещь в глубине своей ан-

тропоморфна» (Бодрийяр, 1999: 33). Но если раньше она демонстрировала свою работу, (Бодрийяр дает такой пример: «Заступ или кувшин», «эти живые воплощения мужского и женского полового органа, своей "непристойностью" делают символический внятной динамику человеческих влечений»), то теперь она отводит человеку «роль стороннего наблюдателя» (Бодрийяр, 1999: 63)).

Известный культуролог Г. С. Кнабе выделяет следующие свойства знаковости бытовых вещей:

1) историчность их семантики (помимо синхронных оппозиций, он выделяет диахроничность семантики бытовых вещей);

2) способность распознать эту знаковость лишь определенной социально-культурной группой, которая объединена пережитым общественным опытом;

3) эмоциональность вещи (помимо ее рационального смысла), актуализирующая те обертоны памяти, которые коренятся в социальном подсознании и часто самим человеком не осознаются. (Кнабе, 1982: № 9).

Образ вещи характеризуется, по Кнабе, тремя гранями, которым соответствуют три способа его восприятия: социальный, духовный и социологический. Социальный аспект характеризует обладателя вещи по признакам, определяющим его место в общественной структуре. Духовный аспект передает атмосферу чувств и переживаний, связанных с данным предметом, независимо от его денежной или эстетиче-

ской значимости, вне четкой знаковой роли вещи. Социологический же образ дает «зонд, опущенный глубоко в общественное подсознание, в те глубины повседневного бытия, где раскрывается непосредственно человеческая текстура исторических процессов». (Кнабе, 1985, № 1; Кнабе, 1986).

Вещь не существует отдельно, как нечто изолированное в контексте времени. «Вещи связаны между собой. В одних случаях мы имеем в виду функциональную связь и тогда говорим о «единстве стиля». С другой стороны вещи имеют память» (Лотман, 1995: 10). Вещи навязывают нам манеру поведения, тем самым создавая вокруг себя определенный культурный контекст. Верно пишут А.В. Бирюков и В.И. Ионесов: «Именно вещи при помощи человека формируют предметный ландшафт социальных связей и визуально проектируют во внешний мир смыслы и образы человеческих исканий, материальных и духовных запросов общества» (Бирюков, Ионесов, 2012: 22).

Библиографический список

1. Барт Р. Мифологии. М.: 1996. – 213 с.
2. Бодрийяр Жан. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 231 с.
3. Бирюков А.В. Ионесов В.И. Люди и вещи: новые возможности интеграции культуры и экономики в эпоху глоба-

лизации // Вещи и коммуникация: экономические и культурные взаимодействия в меняющемся обществе. – Самара: ООО «Изд-во ВЕК#21», 2012. – 514 с.

4. Блюмин М.А. Старинная обувь на международных аукционах // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии / Материалы XVI международной научной конференции – СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. – 620 с.

5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М, Искусство, 1972. – 318, с.

6. Зульфикаров Тимур. Евразийская чайхана // «Литературная газета», № 30, 25–31 июля 2001 г., с. 8.

7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и нравы русского дворянства XVIII–XIX вв. М.: Искусство, 1995, с. 10.

8. Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983. – 207 с.

9. Кнабе Г. С. Внутренние формы культуры // Декоративное искусство СССР; 1982, № 9.

10. Кнабе Г. С. Быт как предмет истории // Декоративное искусство СССР. – 1982, № 9.

11. Кнабе Г. С. Язык бытовых вещей // Декоративное искусство СССР, 1985, № 1.

12. Кнабе Г. С. Древний Рим – история повседневности. Очерки. – М. 1986 – 206 с.

13. Робски Оксана. GLAMУРНЫЙ ДОМ; ИНТЕРЬЕР&ДЕКОР. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. – 239 с.

14. Рой О. Шаль: роман. – М.: Эксмо, 2013. – 352 с.

15. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс, 1995. – 634 с.

16. Упине А. М. Выявление композиционно – конструктивных параметров исторической одежды, влияющих на имиджевые характеристики эпохи // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии / Материалы XVI международной научной конференции – СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2013. – 620 с.

Сады и парки как коды культуры

(Опубликовано: Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, № 1, 2017, с. 48–58)

Сады и парки тесно связаны с историей государств, их бытом, повседневностью, мировоззренческими представлениями – науками, искусствами и вообще всеми формами жизни. «Пять континентов мира: Европа (34 страны), Азия (43 страны), Африка (55 стран), Америка (49 стран), Австралия и Океания (26 стран) и везде человечество (несмотря на сложные климатические и иные условия) создавало, создает и будет создавать чудесные сады и парки»⁷⁷.

История их создания уходит в глубь веков. Уже Платон считал, что в Атлантиде, которая существовала по его представлениям более 12 тысяч лет назад, было множество садов. «Видимо, начала устройства садов совпадает с началом оседлости, и целью этой деятельности было выращивание около жилья полезных растений»⁷⁸. Б.И. Кохно так определяет садово-парковое искусство: «садово-парковое искусство можно определить как искусство создания садов, парков и других озелененных территорий. Они основываются на двухты-

---

⁷⁷ Пронин А.М. Сады и парки народов мира. Культурологический справочник. – Пенза, 2001, 182 с., с. 99.

⁷⁸ Кохно Б.И. Садово – парковое искусство. – Л., Знание, 1980, 36 с., с. 5.

сячетлетнем опыте деятельности людей по выращиванию растений и устройству среди них мест обитания, отдыха и развлечений»⁷⁹. И далее он верно утверждает: «рельеф, вода, растения, организованное ими пространство создают своеобразный язык, воздействующий на эмоции и характер поведения человека»⁸⁰.

На самом деле в древних цивилизациях – Древнего Египта, Месопотамии, на Ближнем и Дальнем Востоке уже существовали сады и парки, описание которых дошло до нашего времени.

Сегодня в рамках ООН существует Комитет по историческим садам (ИКОМОС), в который входит 1666 объектов 34 стран мира; Международная федерация ландшафтных архитекторов (ИФЛА), которая в 1977 году провела в Киото совещание по охране не только памятников, но и исторических ландшафтов. Кроме того, в течение многих лет ИФЛА проводила разные симпозиумы по охране исторических памятников⁸¹.

Считается, что сады и парки возникли в Древнем Египте. В Древнем и Среднем царстве существовали фруктовые сады, виноградники, огороды. В Новом царстве при храмах существовали сады, а кроме того, появились священные рощи. Древняя столица Фивы изобиловала пышными садами. Важ-

---

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же., с. 6.

⁸¹ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. М.: Стройиздат, 1985. С. 9.

ное место в садах Древнего Египта занимали ирригационные устройства водоемов и каналов, что диктовалось климатическими условиями. А вот роль архитектурных построек была вторичной. Главными были эффекты перспективы и контраст пространства. «Анализируя красивый симметричный план, тщательно продуманное чередование различных видов деревьев, изысканную форму углубленного бассейна, следует признать, что уже здесь, на пороге истории садового искусства, наблюдается высокая степень развития рационально распланированного сада. Симметрия, сочетание изящества и утилитарности – требования, которые впоследствии считались обязательными в садовом искусстве в ранние годы его развития, уже успешно применялись»⁸².

Совсем иным был климат в Месопотамии. Но и здесь сады были широко распространены. Известно, что шумерский царь Гудеа создавал виноградники и рыбные пруды, окаймленные садами. До нашего времени дошли сведения о многочисленных садах Ассирии, Вавилона. Саргон II заложил над Ниневией, столицей Ассирии, город Дар-Шарукин, в котором был разбит парк. В этом парке были посажены все растения хеттской флоры и разные горные травы. Сын Саргона в Ниневии воздвиг себе дворец, при котором был разбит обширный парк с фруктовыми деревьями и виноградом. В Вавилоне были особенно знамениты «висячие сады» Семирамиды, в которых под поддерживающими террасами-свода-

---

⁸² Там же, с. 10.

ми находились роскошные покои, из которых можно было подняться на террасу через широкие проходы. Длина сторон основания террас – «висячих садов» – равнялась 48 м. На этом основании подымались ступенчатые террасы. Главный сад был разбит на верхней террасе⁸³.

Богато оснащены были и сады Иудеи. Известно, что при дворце Соломона были украшенные сады с бассейнами.

В Персии парки назывались «парадиз». Впоследствии в это понятие стали входить не только сад, но относилось оно и к дворцам и резиденциям персидских царей. Парадиз воспроизводит образ горнего рая. К нам это слово пришло через греческий и французский языки⁸⁴.

Парки использовались для народных празднеств, смотров огромных армий. В них также заселялись звери для охоты. Персидские ковры дают нам представление о планировке этих садов и парков. Считается, что Персия – родина розы. Поэтому Персию нередко называли Гюлистан – Сад роз. Росли там не только розы, но и сирень, тюльпаны, лилии и нарциссы. Не случайно столица древней Персии называлась Суза – Лилия. И многие сады мира возникали под воздействием именно персидских садов.

Сады так ценились, что для того, чтобы досадить врагу,

---

⁸³ Там же, с. 11.

⁸⁴ Шептунова И. Закладка садов Бабуром как аналог космогонического акта. //Искусствознание, 2001, № 1 / 01, с. 205. См. Об этом также; Giamatti A.D. The Earthly Paradise and the Renaissance Epic. Princeton, 1966; Armstrong G. The Paradise Myth. London, 1969.

египтяне вырубали фиговые деревья и виноградные лозы в войнах со странами Азии, а финикийцы вырубали все деревья в парке в Сидоне, в котором отдыхал персидский царь⁸⁵.

В Индии при буддийских монастырях обязательно разбивались сады, так как поклонение деревьям с древности входило в обычаи индусов.

Когда мусульмане захватили Северную Индию, здесь получили распространение мусульманские сады. Иранская культура стремилась освоить индийскую традицию. Главные особенности такого сада – «регулярная планировка и наличие текущей по саду воды»⁸⁶. Сад стал олицетворением рая на земле. Воды четырех рек жизни встречаются в центре. Фруктовые деревья и кипарисы символизируют бессмертие и возрождение, олицетворяя четырехчастную структуру райского сада. По мусульманским представлениям Аллах создал свое Творение за 4 дня, существует 4 точки горизонта и 4 первостихии – земля, вода, воздух, огонь, что непосредственно отразилось на композиции мусульманского сада. Не менее значим и 5-частный символ, наиболее полно воплощаемый в образе чинары, пятиконечные листья которой подобны рукам молящихся, воздевающимся к небу. Вместе с тем сад может метафорически сопоставляться с красавицей. В связи с тем, что в мусульманской культуре доминирующее значение имеет орнаментика, в мусульманских садах главен-

---

⁸⁵ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. – М., Стройиздат, 1985, с. 10, 12.

⁸⁶ Шептунова И. Цит. изд, с. 204.

ствуует принцип единства рации и фантазии, статики и движения.

Наиболее известный памятник могольской архитектуры – Тадж-Махал – «образец гармонии сада и усыпальницы»⁸⁷, в которой проявляется структурное единство всех составляющих художественной культуры ислама.

Однако примеров мусульманских садов можно привести множество. Например, много садов было в столице государства Тимуридов – Самарканде. Они носили различные названия: «сад, радующий сердце», «сад очарования», «сад откровения», «сад роз», «сад надежд». Закономерно влияние арабского Востока на искусство итальянского Возрождения. «Леонардо да Винчи в своей книге «Божественные пропорции» ссылается на Авиценну, а комментатор Витрувия Д. Барбаро – на арабского ученого ал-Кинди»⁸⁸.

Для мусульманской культуры характерно стремление к приобретению знания. Известное мусульманское пророчество гласит: «высшее служение Богу есть поиски знания»⁸⁹. Образ сада в мышлении мусульман занимает важное место. В Коране сказано: «Поистине богобоязненные – среди садов и источников» (Коран. 15, 45)⁹⁰. Сад традиционно служил

---

⁸⁷ Шептунова И. Цит. изд, с. 206.

⁸⁸ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. Цит. изд., с. 27.

⁸⁹ Шукуров Шариф. «Охота за смыслом» в искусстве Ирана // Сад одного цветка. Сборник статей и эссе. – М. Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. – 294 с., с. 93.

⁹⁰ Там же, с. 97.

местом сбора мудрецов и поэтов. Сад для мусульманина – земное воплощение райских кущ, поэтому за любым реальным садом скрывается образ райского сада. «В мусульманской культуре образ сада всегда воспринимался в неразрывности с идеальным Садам Жизни»⁹¹. Он «олицетворял собой мир, вбирая в себя всю тайнопись прошедшего, настоящего и будущего»⁹².

В саду, естественно, существовали деревья, каждое из которых наделено знаковостью. И обязательно есть виноград, дающий представление об опьянении, но отнюдь не бытовом, а опьянении любовью к Абсолюту. Столь же значимо присутствие птиц, также имеющих символическое значение в мусульманском саду: соловей – символ любви, утка – символ сакрально омовения, сокол – символ проникновения из земного мира в небесные сферы и т. д. «Язык птиц» стал обозначать таинственный, эзотерический или просто непонятный язык»⁹³.

Коран вобрал в себя ортодоксальные и мистические представления, основанные на семитской традиции, разработав при этом богатую чувственную образность. Известно, что Платон бывал в Конии и отнюдь не случайно, что его знаменитая Академия располагалась в саду, в котором он и жил.

В Греции многое было взято из восточной садово-пар-

---

⁹¹ Там же, с. 102.

⁹² Там же, с. 97.

⁹³ Шукуров Ш. Цит. изд, с. 103.

ковой культуры, во многом благодаря и походам Александра Македонского. Там культивировались священные рощи, города украшались садами, философы проводили занятия с учениками в садах, получивших наименование Академий, возникших на основе гимнасий, где юноши занимались физическими упражнениями. Сады украшались беседками, фонтанами, лестницами. Здесь было много типов садов. Нимфеи были местом обитания богов, нимф, муз. Как правило, это были дубовые, кедровые или оливковые священные рощи. Рощи, посвященные героям, служившие местом их захоронения и носившим мемориальный характер, назывались героонами. Широко были распространены сады общественного значения, появившись в V–IV вв. до н. э. Кроме того, на площадях города, перед храмами, у фонтанов устраивались небольшие общественные сады. Существовали сады и при жилых домах⁹⁴. «Новое в садах Греции по сравнению с Египтом – их террасообразное, уступчатое решение, более свободная композиция, декоративность, нагромождение зеленых масс, обилие украшений, витые лестницы. На террасах – посадки больших деревьев, цветы и фонтаны, приводимые в действие сложными гидравлическими машинами»⁹⁵.

В Риме сады были также в большом почете. Они сочетали в себе греческие архитектурные формы и этрусские ат-

---

⁹⁴ Кохно Б.И. Цит. изд., с. 15.

⁹⁵ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. Цит. изд, с. 15.

рии, эллинистический перистиль и виридарий – озелененный участок с бассейном и фонтанами. В эпоху империи в I–IV вв. для римской архитектуры характерно было стремление к геометризированной линии планов, что отразилось на садовых сооружениях, входивших в термы, в садах загородных вилл. Существовали городские сады, служившие для прогулок или перед театром как своеобразное фойе под открытым небом. В придворных садах были фонтаны, скульптуры, искусственные водоемы. Были распространены сады и парки загородных вилл. Здесь был распространен плоский сад – ксист, в котором была регулярная планировка, четкое осевое построение квадратов или прямоугольников, на которые он был разделен. Главный элемент – газон, окаймленный бордюром. Характерной частью загородных вилл был сад – ипподром⁹⁶. Загородные виллы всегда имели огромные сады или парки. Например, загородная вилла императора Адриана, построенная около Рима в Тибуре в 114–138 гг. была расположена у подножия гор и представляла собой грандиозный дворцово-парковый ансамбль, ставший впоследствии примером для подражания, о чем будет сказано позднее.

Для стран Дальнего Востока в садово-парковом искусстве характерно утверждение первичности красоты естественной природы, подчиненности ей всего, создаваемого человеком, абсолютизация эстетических качеств природы: земли, воды, скал, холмов, растений.

---

⁹⁶ Кохно Б.И. Цит. изд., с. 16–17.

В Китае сады возникли довольно давно. Известны сады по дошедшим до нас памятникам, относящимся к XII в. до н. э. Уже в древнем эпосе «Книга песней» говорится о «Саде знаний».

В Китае были распространены как монументальные, так и миниатюрные сады, так называемые «лоб кошки». В этих садах использовали бамбук, сливу и сосну. В садах устраивали беседки, галереи, пагоды, мосты, крытые дорожки с огромными круглыми окнами в стенах для восприятия сада как бы в раме.

Особенно ярким проявлением садового искусства Китая является парк Ихэюань (парк Безмятежного отдыха), считающийся одним из величайших шедевров наряду с Версалем и садами Царского Села. «Художественный образ Ихэюаня в целом, его структура и семантика могут быть восприняты и осознаны лишь в контексте китайской духовной культуры...»⁹⁷. Символическая семантика этого парка включает в себя разные пласты духовной культуры Китая – в первую очередь философские учения – конфуцианство, даосизм и буддизм. Значительную роль в нем играют также мифологические и фольклорные образы и особенности художественной культуры – поэзии, прозы и т. п. Именно этот парк повлиял на модное направление в Европе шинуазри и послу-

---

⁹⁷ Завадская Е.В. Ихэюань – сад, творящий гармонию // Сад одного цветка. Сборник статей и эссе. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. – М. 1991, с. 225.

жил образцом для мастеров садово-паркового искусства Англии, Франции и России. Образ китайского сада получил отражение в «Игре в бисер» Г. Гессе и в рассказе Х.Л. Борхеса «Сад расходящихся тропок». «Если у Гессе китайский сад – это образ идеального мира, то у Борхеса – идеального сознания. И в реальной истории садового искусства в Китае парк (или сад) выступал в той или другой роли, а порой, как, например, в Ихэюане, стал воплощением их обеих»⁹⁸.

Здесь весьма многообразно и искусно воплощены взаимоотношения *ян* и *инь*, основанные на триграммах и гексаграммах «Ицзин» («Книги перемен»). Этот парковый ансамбль представляет собой «сады в саду», напоминая всем хорошо известные «шары в шаре». Он предстает как картина мира, разворачивающаяся в чередующихся временах года, для чего цветы подобраны таким образом, что их цветение знаменует новый этап, символизируя весну, лето, осень, зиму. «В сложный архитектурный ансамбль парка Ихэюань входит тридцать шесть рукотворных элементов (это число – результат умножения 4 на 9: первое четное число является символом Земли и женского, темного начала *инь*, второе – нечетное, олицетворяет силы Неба и мужское, солнечное начало *ян*)»⁹⁹. Архитектура, скульптура, надписи, дорожки, даже характер теней, отбрасываемых строениями и деревьями – все направлено на выявление идеальной картины ми-

---

⁹⁸ Завадская Е.В. Цит. изд., с. 236.

⁹⁹ Там же, с. 237.

ра. «Парк Ихэюань – это своеобразная архитектурная утопия, поскольку в ней запечатлелась древнейшая китайская традиция, просуществовавшая всю историю Китая, уподоблять саду (или парку) идеально устроенный мир»¹⁰⁰.

Интерес также представляют парки Бейхай (Северное море) в Пекине – в прошлом императорский сад, располагавшийся на о. Цюндао и Лю в Сучжоу, состоящий из трех прилегающих друг к другу садов с подчеркнутой планировкой.

В Японии сады предназначались для созерцания красоты, тихого уединения и раздумий. В этих садах часты и речки, и водопады, и скалы разной формы и величины. Обычно здесь использовались разного рода символы, которые человек этой культуры легко декодирует: гладкий песок символизирует воду, а камни – горы. Осознать скрытый смысл и многозначную содержательность для неподготовленного человека, не выросшего в этой культуре – сложно. Использовались хвойные деревья, чаще всего сосна, ирисы, пионы, хризантемы, на прудах – лотосы. Камни здесь играют роль важного выразительного средства.

Сформировались японские сады в средневековый период. В Киото, древней столице Японии в VIII в., были красивые сады, некоторые из которых сохранились до нашего времени. Связано это с тем, что в Японии каждые 20 лет реконструируют памятники. Но окончательно японский сад сформировался в X–XII вв. Безусловно, с одной стороны

---

¹⁰⁰ Там же, с. 242.

японские сады менялись на протяжении времени. С другой стороны, они оказались вневременным явлением. Вся суть японской культуры раскрывается через отношение к природе. «Образы природы определили и закрепили устойчивый круг ассоциаций и иносказаний, создав сложную и развитую знаковую систему, особое семиотическое пространство японской культуры»¹⁰¹. Многообразие садов Японии в наибольшей степени представлено в Киото. В Японии сад – синтетическое искусство, наделенное разнообразной символикой. Наталья Николаева подчеркивает, что «сад открывал возможность для человека постичь бесконечное и выразить его в осязаемой, зрительной форме»¹⁰². Составные элементы японского сада – камни, вода, песок, галька, сосны, бамбук и т. п. были все теми же – и в XII, и в XV, и даже в XX веках. Но «всякий раз жили в условиях иной пространственно-пластической системы, характерной для культуры эпохи, ее идеалов и эстетических представлений»¹⁰³, при этом всегда воплощая мировоззрение, его самые общие и главные законы. Сад становится моделью мира.

Около семи веков назад в Японии стали распространены миниатюрные парки «бонсай», уместающиеся в керамической вазе. Многие японцы могут только так иметь возмож-

---

¹⁰¹ Николаева Н. Сад в японской культуре // Искусствознание, 2001, № 1 / 01, с. 163.

¹⁰² Там же, с. 164.

¹⁰³ Там же.

ность ежедневного контакта с живой природой. «На Западе «японские карлики» приобрели известность после того, как на международной Парижской выставке 1937 г. Они получили Золотой приз»¹⁰⁴.

В Корее история садов начинается в I–VII веках н. э., когда появляются придворные сады. Кроме придворных садов, здесь были распространены государственные, храмовые и частные сады, каждая из которых имели свои разные назначения. Например, придворные сады предназначались для дипломатических аудиенций, для уединенных занятий, для женского «запретного» комплекса. Государственные сады использовались при правительственных учреждениях и при придворных академиях. Храмовые сады были при буддийских монастырях, при «чайных садах», при шаманских алтарях. В частных садах их пространства предназначались для приема гостей на мужской половине усадьбы, для интеллектуальных бесед на женской половине усадьбы.

Корейские сады оказали влияние на становление японского садового искусства. «Главная особенность корейского сада любого типа заключается в раздвоенности программы его культурных кодов»¹⁰⁵. В основе этих садов лежит китайская модель сада, которая является для нее донорской культурой. Но если для китайской культуры характерна диалогическая

---

¹⁰⁴ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. Цит. изд., с. 18.

¹⁰⁵ Белозёрова В. Сады Кореи и взаимодействие дальневосточных культур / Искусствознание, 2001, № 1 / 01, с. 145.

связь человека и природы, то для корейской – слияние человека с природными стихиями. Связано это с тем, что, в отличие от китайских мировоззренческих представлений космологические представления сформировались здесь на основе архаической шаманской культуры древних корейцев. Корейские сады невелики по размерам. Кроме того, в корейском саду – камень просто камень, а не подобие облака или ряби воды как в Китае, ветер – просто ветер. Здесь нет размерности китайских метаморфоз. В корейских садах превалирует натуральность и они носят позитивный эмоциональный настрой в отличие от японских садов, в которых воплощаются нюансы поэтической грусти. Примеры корейских садов подробно рассмотрены в цитировавшейся статье В. Белозёровой. В корейских садах чаще всего используются вишневые деревья. Это национальная специфика корейских садов, не встречающаяся в садах Китая, зато вишневые деревья полюбились в Японии.

Как мы видим, при всем различии дальневосточных садов, очень многое их сближает. «Собственно говоря, осознание единства бытия придает общие черты формально разным по типу культурам средневекового Востока. Специфика каждой из них диктуется не в последнюю очередь лежащими в ее основах религиозными представлениями о целях бытия и существовании после смерти, запечатленными в священных книгах и сакральных текстах культуры»¹⁰⁶.

---

¹⁰⁶ Пригарина Н.И. Введение // Сад одного цветка. Сборник статей и эссе. –

Все же, когда мы говорим о садах Востока, то в каждой культуре есть своя специфика, отражающаяся в садах. «Как философски, так и практически и по своей семантике эти особенности включены в контекст культуры, формируют ее специфику. То же можно сказать и об арабесках, и об особой декоративной функции арабской графики и прикладном искусстве мусульманского Востока»¹⁰⁷.

Европейская средневековая культура также широко использовала сады. Как правило, это были небольшие сады с регулярной разбивкой на квадраты и прямоугольники. В первую очередь это касается монастырских садов, расположенных в клуатрах. Здесь могли выращиваться лекарственные растения, плодовые деревья. Нередко в монастырских садах использовались лабиринты, символизировавшие с одной стороны жизненный путь с заблуждениями и победами, с другой – путь Христа.

М... Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. – 294 с., с. 4.

¹⁰⁷ Пригарина Н.И. Цит. изд., с. 5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.